

Арина Теплова

18+

КРЕПОСТНАЯ

Талисманы судьбы

Арина Теплова

Крепостная

«Автор»

2020

Теплова А.

Крепостная / А. Теплова — «Автор», 2020 — (Талисманы судьбы)

1852 год. Нежная, тихая Грушенька с младенчества воспитывается в семье князей Урусовых. Она начитана, прелестна, музыкальна и образована. Она носит дорогие платья и живет во дворце, подобно дворянке. Княгиня Урусова не чает в ней души и любит ее как свою дочь. Но есть одно обстоятельство – Груша всего лишь крепостная князей, красивая кукла для украшения интерьера. Она скрашивает серые будни старой княгини. Девушка не тяготится своим существованием и нежно любит княгиню в ответ. Но спокойная жизнь Груши рушится в один момент – когда князья неожиданно покидают этот мир, а наследником огромного состояния становится избалованный циничный красавец-князь Константин Урусов... Каждая книга в серии "Талисманы судьбы" является самостоятельной историей, возможно прочтение книг в разном порядке.

© Теплова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ПРОЛОГ. Игра	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Голубка	9
Глава I. Село Никольское	10
Глава II. Княжна Татьяна	14
Глава III. Тайные думы	18
Глава IV. Нара	21
Глава V. Полевые цветы	25
Глава VI. Незнакомка	29
Глава VII. Званный вечер	34
Глава VIII. Князь	39
Глава IX. Ревность	43
Глава X. Дольское	48
Глава XI. Гусар	53
Глава XII Андрей	57
Глава XIII. Ложь	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Арина Теплова Крепостная

Страстная любовь в своем апогее достигает полного неистовства, предела чувств и желаний, вершин безумия, при котором влюбленный находится, словно в бреду от блаженства и мук одновременно...

И когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —

Милый друг! от преступления,
От сердечных новых ран,
От измены от забвенья,
Сохранит мой талисман!

Старинный русский романс
Слова А.С. Пушкина

ПРОЛОГ. Игра

Российская империя, Московская губерния,
село Никольское, усадьба князей Урусовых
1852 год, Май

– А ну, держи ее, Егорка! – закричал долговязый парень лет пятнадцати, устремив взор на девочку, которая только что ловко вывернулась из его раскинутых рук. Второй паренек, коренастый и неприятный на лицо, попытался схватить рукой подол атласного платья Грушеньки, которая пронеслась мимо. Но девочка оказалась проворнее и, увернувшись от Егора, бегом устремилась к деревянным конюшням. Высоко приподняв широкую юбку своего голубого платья, девочка вбежала внутрь бревенчатого одноэтажного здания с высокими потолками, надеясь именно здесь скрыться от парней.

Миновав первые два стойла, в которых топтались лошади, Груша влетела в следующее – пустое. Услышав голоса мальчишек, которые так же вбежали за ней в конюшню, девочка прислонилась к белой стене и затаилась. Слыша по голосам, как парни прошли мимо стойла, в котором она спряталась, Груша, чуть подождав, решила выглянуть и проверить, далеко ли они, чтобы снова выбежать наружу. Однако едва она вытянула тонкую шейку, бросая взгляд через короткую деревянную дверь, как тут же увидела Тимошку, который стоял всего в десяти шагах и озирался по сторонам. Парень сразу заметил ее и закричал:

– Вот она!

Груша нахмурилась и мгновенно юркнула обратно в стойло, прижавшись к стене, понимая, что теперь уж точно попалась. Парни уже подлетели к ней и в два голоса заголосили:

– Проиграла! Проиграла! Мы поймали тебя!

Они довольно ухмылялись, остановившись рядом с девочкой. Грушенька, сморщив недовольно носик и взглянув на тринадцатилетнего Егорку, который был чуть выше нее ростом и имел толстое скуластое лицо, выпалила:

– Проиграла – и что ж?

– А то, что немедленно выполняй желание! – воскликнул Егорка.

– И какое? – спросила девочка тихо, устремив на паренька яркие фиолетовые глаза.

– Ну, как обычно, шелбан по лбу! – выпалил довольно Егорка, прямо светясь от мысли о том, что может щелкнуть эту разряженную в шелка девчонку, которая постоянно пыталась доказать, что она им не ровня.

Груша нахмурилась и, чуть прикрыв глаза, придвинула свое личико к Егору. Мальчишка, цокнув языком, щелкнул по небольшому лобику девочки и довольно заулыбался. Груша, даже не пискнув от боли, перевела взор на второго паренька чуть постарше, которого звали Тимофей.

– Теперь ты тресни ей по лбу, – с воодушевлением заметил коренастый Егорка. Но Тимошка как-то хмуро смотрел на девочку, не сводя взгляда с ее необычных больших фиолетовых глаз.

– А я хочу другой штраф, – тихо промямлил он.

– Какой другой? – опешил Егорка и перевел взор на долговязого босого паренька, одетого в простую русскую рубашку и темные холщовые штаны.

– Пусть поцелует меня, – сказал глухо Тимофей и чуть придвинулся к девочке, стоявшей перед ними в напряженной позе. Вмиг глаза Грушеньки округлились от удивления, и она воскликнула:

– Не буду я никого целовать! Вот еще придумал!

– Проиграла, плати штраф! – выпалил Тимошка и придвинулся. Груша поджала губки и тут же, резко дернувшись вперед, попыталась протиснуться между парнями. Но Егорка мгновенно среагировал и схватил девочку за плечи.

– Ишь ты, хитрюга! Не убежишь! Штрафной поцелуй! – затараторил, гадко ухмыляясь, Егорка.

– Пусти, сказала! – возмутилась девочка, пытаясь отбиться от Егора, который не отпускал. – Не буду я его целовать! – добавила она твердо и, склонив голову, проворно укусила Егорку за руку. Парень невольно отпустил ее, и Груша вновь попыталась вырваться из стойла. Но Тимошка раскинул в стороны руки, закрыв проход, и зло заметил:

– Ты, Грушка, думаешь, раз тебя барыня в шелка одела, так ты и другая стала? Не такая, как мы? Ты такая же крепостная! И нечего нос задирать! Держи ее, Егорка!

Подчиняясь команде Тимофея, Егор схватил руки Грушеньки сзади, не давая ей вырваться. Тимошка приблизился, и Груша с угрозой громко выпалила:

– Я сейчас закричу! А еще Марье Кирилловне все расскажу!

Груша пыталась, что было мочи вырваться из цепких рук Егорки. А Тимофей, который был уже в шаге от девочки, ехидно произнес:

– Как в салки с нами играть, так гораздо! А как штраф платить, так в кусты?

Тимошка грубо схватил девочку за подбородок и склонился к ней. Груша резко отвернула голову вбок, и наглые слюнявые губы парня притиснулись к ее щечке, а не к губам, куда целился Тимофей.

– Что здесь?! – раздался позади них громкий недовольный голос. Тимошка испуганно обернулся, вмиг убрав ладонь с личика девочки. В стойло вошел высокий широкоплечий молодой человек лет двадцати трех с плеткой в руке, одетый в темный сюртук приказчика, черные штаны и короткие сапоги. Взор молодого человека прошелся по мальчишкам и девочке, и он грозно приказал: – Немедля отпусти ее!

Егорка стремительно разжал руки, и Грушенька отскочила от парня на несколько шагов, с благодарностью глядя на молодого человека.

– Мы токмо играли, – попытался пролепетать Егорка.

– Вы это что удумали, паршивцы? – процедил тихо молодой человек, с угрозой глядя на обоих парней, которые сразу же под жестким потемневшим от негодования взором опустили глаза в пол. – Совсем, что ли, стыд потеряли?

– Мы ничего такого не делали, Андрей Прохорович, – промямлил Тимошка, исподлобья глядя на молодого человека.

– Как же не делали! – возмутился Андрей. – Смотрите у меня! Еще раз увижу вас рядом с Грушей, розгами высеку, да так что месяц сесть не сможете! – добавил он грозно и уже холодно добавил: – Вам еще час назад было велено сено коням накидать, что, уже все сделано?

– Мы почти закончили, Андрей Прохорович, – начал оправдываться Егорка.

– Так немедленно все закончить! Я через четверть часа сам проверю. Пошли прочь! – приказал Андрей.

Парни выскочили из стойла, словно ужаленные. Молодой человек проводил их тяжелым взглядом и затем обернулся к девочке, которая пристально смотрела на него.

– Благодарствую, Андрей Прохорович, – произнесла Грушенька и улыбнулась молодому человеку.

Андрей приблизился к ней и увидел на ее лбу красное пятно.

– Ты ударилась никак? – спросил он заботливо.

– Это Егорка мне щелбан поставил, – объяснила она.

Осторожно взяв девочку за подбородок сильными пальцами, Андрей приподнял ее тонкое нежное личико чуть выше, пытаясь разглядеть лоб. Груша же не отрывала от него своего яркого взора, в котором отражались тепло и благодарность. В этот миг молодой человек пока-

зался девочке таким сильным и мужественным, что она засмотрелась в его чистые голубые глаза.

Грушенька, которой уже исполнилось двенадцать лет, хотя и была рождена крепостной, но воспитывалась в барском доме и считалась наперсницей и компаньонкой маленькой княжны Татьяны Урусовой. Еще в младенчестве княгиня Мария Кирилловна взяла осиротевшую Грушу к себе в дом, и с тех пор девочка жила в семье князей, словно воспитанница. Как и княжну Татьяну, Грушу одевали в красивые платья, обычные для дворянок, обучали разным наукам и языкам, позволяли обедать за барским столом. А также девочка имела собственную спальню в большом дворце Урусовых.

Андрей Прохорович всего полгода назад поступил на службу управляющим в имение князей. Елагин родился в семье обедневших дворян и был вынужден зарабатывать на существование своим трудом. Он служил в армии, получая довольно приличное жалование офицера. Однако год назад, во время службы на Кавказе, молодой человек получил тяжелое ранение ноги и был вынужден уйти в отставку. Вернувшись в Петербург, еще не совсем оправившись от ранения и сильно прихрамывая на больную ногу, Елагин остался на скудной военной пенсии, практически без средств к существованию. На его руках была старая матушка и несовершеннолетний брат. Остро нуждаясь в деньгах, Андрей был вынужден устроиться на службу управляющим в имение князей Урусовых.

Волевое, суровое лицо Елагина, широкоплечая, высокая, подтянутая фигура с военной выправкой в сочетании с еле заметной хромотой непроизвольно притягивали взгляд еще юной Груши. В душе девочки постоянно рождались фантазии о военных подвигах Андрея, когда он воевал с дикими горцами на юге. И эти мысли вызвали в ней невольное восхищение молодым человеком. Весь облик Елагина казался Груше таинственным и невероятно притягательным.

Уже через мгновение ласковый голубой взор Елагина утонул в прелестных глазах девочки необычного фиолетового оттенка, и молодой человек ощутил, как его сердце отчего-то глухо застучало. Он судорожно сглотнул комок в горле и тихо произнес:

– Тебе, Грушенька, приложить что-нибудь холодное надо, чтобы синяка не было, – и тут, как будто опомнившись, Елагин убрал руку с ее подбородка, и она понятиливо кивнула. – И вообще, отчего ты играешь здесь? – спросил он ласково и строго, внимательно глядя на Грушу, которая едва доставала до его плеча макушкой. – Шла бы ты в сад или на дворцовую веранду. Поди, Марья Кирилловна потеряла тебя...

– Я сейчас пойду, Андрей Прохорович, – кивнула она и, улыбнувшись ему, добавила: – Еще раз благодарю вас.

Умело приподняв подол своего голубого атласного платья, Грушенька, легко подпрыгивая, устремилась к выходу из стойла. Уже через миг она скрылась с глаз молодого человека. Андрей, стремительно обернувшись ей вслед, проводил долгим взглядом светловолосую девочку и лишь через минуту тряхнул головой и прошептал:

– Что за легкая стрекоза...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Голубка

Моя душа, скитается давно
И сердце не на месте
А я ищу ту улицу и дом
Где мы сойдемся вместе

Ты кажешься мне солнцем
Ты кажешься мне ветром
Но нет ответа...

Слова А.Брянцева

Глава I. Село Никольское

Москва, Николаевский вокзал,
1858 год, Апрель, 29.

Поезд, прибывший из Санкт-Петербурга, издал два протяжных гудка, въезжая на заполненную народом платформу. Николаевская железная дорога была вторым по важности путем для передвижения по Российской Империи после царско-сельской. Она открылась семь лет назад и соединяла два крупнейших города Санкт-Петербург и Москву.

Поезда появились сравнительно недавно и для некоторых простых людей были еще в диковинку. Крестьяне, приехавшие в Москву из далеких деревень, стояли на перроне и, крестясь, ошеломленно и немного испуганно смотрели на устрашающий паровоз с трубой, из которой валил дым.

Спустя час пассажиры покинули свои вагоны и рассеялись в многолюдной толпе. На широком перроне остались только две молоденькие девицы. Обе девушки были одеты в светлые дорогие платья по последней французской моде, в кокетливые шляпки и утепленные рединготы. Их немногочисленный багаж состоял всего из полдюжины чемоданов. Прохладная погода не располагала к прогулкам, и девушки зябко ежились от холодного пронизывающего ветра, который гулял по просторной платформе.

Княжна Татьяна Николаевна Урусова недовольно переминалась с ноги на ногу, с каждой минутой все более раздражаясь.

– И почему это нас никто не встречает? – ворчала княжна, обращаясь к своей спутнице. – Еще на той неделе я отписала Елагину. Неужели он решил проигнорировать мое письмо?

– Вряд ли, барышня, Андрей Прохорович всегда точен как часы, – тихо ответила Груша, – Может, его что-то задержало?

Княжна лишь кисло хмыкнула в ответ, напряженно всматриваясь в толпу. Не прошло и минуты, как Татьяна заметила вдалеке высокого, широкоплечего молодого человека в черном сюртуке. Княжна подняла руку и начала энергично махать, стараясь, чтобы Елагин увидел их. Молодой человек, заметив девушек, приблизился.

Андрей Прохорович Елагин, управляющий князей Урусовых, двадцати девяти лет от роду, отличался величавой статью и широкой костью. Он имел крепкий торс, широкие плечи и мускулистые сильные ноги. Гордая посадка темноволосой головы, чуть заметная надменность во взгляде голубых глаз и упрямо сжатая складка у губ выдавали в нем дворянскую породу. Движения – уверенные, энергичные и немного вальяжные – делали его похожим на опасного хищного зверя. Лицо молодого человека, суровое приятное, чуть загорелое, имело крупные выразительные черты. Он носил короткую густую бороду и усы. Он не был красив, но на него хотелось смотреть, ибо от Андрея так и веяло какой-то притягательной силой и мужественностью.

Едва молодой человек подошел к девушкам, как Груша бросила быстрый оценивающий взор на Елагина и сразу же, смущенно покраснев, опустила глаза на свои руки.

– Здравствуйте, Татьяна Николаевна, – обратился с почтением Андрей к высокой темноволосой княжне Татьяне. – Аграфена Сергеевна, день добрый, – уже мягче добавил молодой человек, стремительно переведя взор на изящную фигуру прелестной светловолосой девушки, стоявшей рядом с княжной. Горящий взволнованный взор Елагина остановился на ее красивом нежном лице, явно ожидая от нее ответного взгляда. Груша подняла глаза на молодого человека и тихо поздоровалась.

– Наконец-то! – раздраженно воскликнула Татьяна, окидывая жадным взглядом статную фигуру Андрея. Княжна демонстративно проигнорировала приветствие молодого человека,

посчитав, что Андрей Прохорович не заслужил своим опозданием ее расположения, и начала отчитывать управляющего: – Мы стоим на платформе битых четверть часа! Я уж подумала, что никто не приедет за нами.

– Как же вы так думали, ваше сиятельство? – заметил извиняющимся тоном Андрей, заставив себя перевести взор на княжну, и объяснил свое опоздание: – По дороге колесо в колею попало, да и ось погнуло, пришлось править. Потому и опоздал немного.

– Ясно, – бросила колко Татьяна, видя на его темных штанах грязные разводы.

– Тогда пойдемте? – спросил Елагин вежливо и твердо. Княжна кивнула, и Андрей, взяв в руки четыре чемодана, окликнул грузчика, который помог донести оставшиеся вещи девушек до открытой коляски, ожидающей их на шумной улице, простирающейся сразу за вокзалом.

Поставив чемоданы рядом с коляской, Андрей открыл дверцу и поочередно помог взобраться девушкам в коляску, подавая им руку. Когда они уселись на кожаные кресла, молодой человек принялся привязывать их поклажу позади коляски. Проворно крепя чемоданы, Елагин то и дело бросал заинтересованные взгляды на Грушу, сидящую к нему лицом, напротив княжны.

Девушки только что вернулись из столицы, где гостили у родственников Татьяны Николаевны, князей Юсуповых. Почти всю зиму княжна и Груша провели в Москве в фамильном особняке Урусовых, а в феврале перебрались в Петербург. И теперь, когда весенняя погода порадовала первым теплом, княжна Татьяна решила, что пора отправиться в Никольское.

Высокая, статная, темноволосая двадцатилетняя княжна Татьяна Урусова, единственная дочь умершего прошлым летом князя Николая Васильевича Урусова, обладала меланхолическим надменным нравом. Ее немного вытянутое приятное лицо с небольшими темными живыми глазами и тонкими губами отличалось модной бледностью и аристократичностью. Однако постоянно недовольное выражение лица омрачало ее облик, порой вызывая у окружающих неприязнь. Избалованная и своенравная с детства, княжна просто обожала, когда все происходило по ее желанию. При малейшем непослушании слуг-крепостных, которые занимали более низкое положение, Татьяна в жесткой, а иногда и обидной манере воспитывала и отчитывала подвластных ей людей.

Татьяну Урусову везде сопровождала Груша, которая постоянно была при молодой княжне. У столичных дам было очень модно иметь девушку для доверительных бесед, так называемую компаньонку. Обычно на эту роль богатые дворянки избирали девушек из бедных семей разорившихся дворян. Компаньонки скрашивали монотонное скучное времяпровождение знатных дам, к тому же являясь доверенными подругами. Богатые дворянки повеяли наперсницам свои секреты, во всем советовались с ними и даже иногда давали за ними небольшое приданное, если компаньонка вдруг собиралась замуж, а богатая госпожа не противилась тому. Но в основном бедные пассии были лишь тенью своей богатой хозяйки и подчинялись правилам и капризам госпожи, зачастую так до старости и оставаясь старыми девами. Хотя компаньонкам и не платили жалования, они жили в богатых домах, при хозяйке, ели за общим столом и носили дорогие наряды. Иногда бывали случаи, когда богатая барыня, устав от ее компании, выплачивала своей наперснице приличное денежное вознаграждение и отпускала от себя. И тогда уже компаньонка могла устроить жизнь по своему усмотрению.

Однако положение Груши было еще более удручающим, поскольку она являлась крепостной князей Урусовых. Еще в четырехлетнем возрасте она осталась сиротой. Мать Грушеньки умерла при рождении девочки, а отец, крепостной крестьянин Сергей Федотов, любимый конюх князей, скоропостижно скончался от пневмонии, оставив трех дочерей в полной нищете. Надо заметить, бедных детей, оставшихся без родителей, часто отдавали на воспитание в другие крестьянские семьи. Княгиня Мария Кирилловна Урусова, мать Татьяны, распорядилась привезти трех девочек к себе в поместье, дабы самой решить, куда их пристроить. Она сразу отметила пригожесть четырехлетней Груши, которая отличалась от своих невзрач-

ных сестер некой врожденной утонченностью. Княгиня оставила девочку у себя и определила ее в компаньонки к своей шестилетней дочери Татьяне. Через год родные сестры Груши умерли во время эпидемии холеры, и девочка осталась совсем одна на этом свете.

Росла она в барском доме и даже имела свою маленькую комнату. Она играла с юной княжной, изучала наравне с Татьяной французский, немецкий, итальянский языки, нотную грамоту и занималась геометрией и арифметикой. Татьяна не любила точные науки и часто отлынивала от занятий у господина Чемизова. Но Груша, понимая, что, возможно, у нее, простой крестьянской девочки, более не будет такого прекрасного шанса научиться всему, с удовольствием и рвением занималась науками, впитывая в себя знания как губка.

Урусовы происходили из старинного княжеского рода, берущего свое начало от татарина Мангита, который был любимым военачальником знаменитого Тамерлана. А Николай Васильевич, отец Татьяны, был потомком известного стольника Петра I, князя Алексея Никитича Урусова.

С детства княгиня Мария Кирилловна определила Груше особое место в доме. Заставляла слуг обращаться с девочкой как с барышней, наряжала в красивые платья и даже отпускала с Татьяной в Петербург. Груша, благодарная княгине за ее доброту и щедрость, неизменно пыталась угодить своей благодетельнице, исполняя все ее просьбы. В конце своей жизни на одном из семейных вечеров княгиня Мария вслух заметила, что любит Грушу как вторую дочь. А красоту и природную любознательность она смогла разглядеть в бедной девочке еще в раннем детстве и возвысить ту до должного уровня. Услышав слова княгини, Груша бросилась перед Марией Кирилловной на колени и начала с благодарностью целовать ей руки. Молодая княжна Татьяна тоже искренне любила Грушу и считала ее своей близкой подругой,веряла ей все свои тайные желания и чувства. Однако любовь молодой княжны к Груше отличалась от любви Марии Кирилловны. Татьяна скорее была привязана к девушке как к своей любимой собачонке или нужной в данный момент доверенной слушательнице, не более. Но Груша, наивная и добрая сердцем, не замечала этого и искренне любила молодую княжну, считая ее названной сестрой.

Лишь к вечеру, после нескольких часов пути, открытая коляска с девушками, Елагиным и кучером достигла села Никольского, родового поместья Урусовых. Усадьба находилась в версте от села Никольского, самого малочисленного из четырех больших селений, которые располагались в пределах сорока верст на принадлежащих князям Урусовым землях и составляли единое поместье. Князья также имели земельные наделы в Калуге, Перми и на юге России и владели примерно двадцатью тысячами крепостных.

Крестьяне села Никольского, состоявшего из трех сотен дворов, в основном обслуживали барскую усадьбу: двухэтажный особняк, парк, большую конюшню и другие хозяйственные постройки. Остальные же крепостные из близлежащих сел трудились на полях, заготавливали материал для лесопилки и работали на других производствах, которые также принадлежали князьям и давали весьма ощутимый годовой доход.

Андрей Прохорович Елагин служил главным управляющим над всеми четырьмя многочисленными поселениями и предприятиями. Другие имения и вотчины князей, в дальних губерниях, были не так многочисленны, и тамошние управляющие раз в год непременно приезжали в Москву для отчета о делах. В ведении Елагина, помимо восьми тысяч крепостных, были обширные поля, растянувшиеся на многие версты, лесопилка, ткацкая фабрика и два небольших производства по изготовлению конской упряжи. Елагин жил в Никольском при дворце князей и постоянно мотался по округе, ибо за всем обширным хозяйством Урусовых постоянно требовался присмотр.

Никольское, парадная загородная усадьба князей Урусовых, обустроивалось во второй половине XVIII века дворянином А. П. Глебовым, затем ею владели Безобразовы. В начале 20-х годов XIX века Никольское и три близлежащие деревни: Чубарово, Губино и Папино, – с

крестьянами купил Николай Васильевич Урусов, отец Татьяны. Чуть позже по замыслу князя Урусова был выстроен помпезный большой дворец и разбит парк.

Дворец, боковые флигеля, два служебных корпуса для дворовых людей составляли единый ансамбль, выполненный в духе классицизма. Главный фасад был украшен шестью колоннадами и венчался куполом, на котором была установлена чугунная статуя Венеры, отлитая на уральских заводах Демидова. Окна западного фасада выходили на реку Нару, открывая взору чудесный пейзаж. Дворец находился в центре квадратного парадного двора, по углам которого были выстроены двухэтажные корпуса, обработанные рустом. В северном, отдельно стоявшем корпусе жил управляющий и пара десятков слуг-мужчин, а в южном – женская прислуга во главе с Агафьей, бывшей няней Груши. Чуть далее находились более простые строения, где обитали остальные дворовые, которые жили семьями.

На восточной стороне, куда выходила парадная лестница с чугунными львами, располагался главный въезд во двор. С западной стороны он имел менее помпезный вид и выходил на липовую аллею, которая спускалась к реке Наре. С северной, восточной и южной сторон главный особняк был окружен регулярным парком во французском стиле: с прудами, гротами, беседками и липовой аллеей. Причудливый, ажурный мостик соединял между собой два пруда, в которых росли розовые лилии и кувшинки. Беседка под названием «Храм Венеры», расположенная чуть поодаль, на вершине небольшого холма, имела округлую форму, восемь колон и круглый шарообразный купол.

Недалеко от дворца, на берегу реки Нары возвышалась разрушенная церковь Рождества Богородицы, выстроенная в стиле итальянского барокко с одним переделом внутри. Князь Николай Васильевич, будучи не сильно набожным, не считал нужным реставрировать заброшенное здание. А для многочисленных крепостных все требы и необходимые церковные службы совершались в Николаевской церкви в соседнем селе Губино, что находилось в семи верстах от усадьбы.

В поместье Урусовых также были выстроены конный двор с манежем, стеклянная оранжерея, скотный двор, рига, несколько амбаров и сараев для хранения зерновых и других сельскохозяйственных культур. Оранжерея, возведенная еще при первой хозяйке, Ольге Павловне Глебовой, в настоящее время находилась в запустении. Обветшавшее здание и немногие сохранившиеся растения пребывали в упадке. Княжна Татьяна не считала нужным сохранять диковинные цветы и совершенно не занималась посадками. Постоянно занятому Елагину также не было дела до растений в оранжерее. Единственным человеком, который истинно любил это старинное заброшенное здание с зеленым царством цветов, являлась Груша. Здесь девушка проводила целые часы, копаясь в земле и ухаживая за растениями и кустарниками.

Глава II. Княжна Татьяна

Едва коляска Урусовых въехала во двор и остановилась у большого двухэтажного дворца с мезонином, Андрей, который сидел вместе с кучером Фомой на козлах, быстро спрыгнул на землю и, подав руку княжне, помог ей спуститься. Татьяна, все еще выражая всем своим видом недовольство из-за того, что Елагин заставил себя ждать целых десять минут на промозглом перроне, царственной походкой проследовала на крыльцо дома.

Управляющий, поняв, что княжна не собирается давать ему никаких поручений, обернулся к Груше. Протянул ей руку, и девушка, улыбнувшись молодому человеку, оперлась на его широкую ладонь, затянутую в перчатку, и выпорхнула из коляски, поблагодарив его. Однако Андрей не отошел, а придвинулся к девушке ближе и тихо произнес:

– Я хотел вас спросить, Грушенька, как вы провели эту зиму?

– Весьма интересно, – ответила она, устремив прелестный взор на суровое лицо молодого человека.

– Вы так долго не приезжали к нам в деревню, почти пять месяцев, – заметил Елагин дрогнувшим голосом, обращаясь к девушке, и, чуть склоняясь к Груше, пристально посмотрел ей в глаза и глухо вымолвил одними губами: – Я даже успел соскучиться по вам, Грушенька...

Девушка вмиг смутилась от его проникновенных слов и опустила глаза.

Андрей же замер над ней и, казалось, не собирался отходить. Он с интересом и тайными думами рассматривал стоявшую перед ним девушку, воспоминания о которой в последнее время постоянно бередили его сердце.

Грушеньке едва исполнилось восемнадцать, но страстные навязчивые думы о девушке уже давно преследовали Елагина. Ее округлое румяное лицо с нежной кожей, невозможно прелестное, юное и изысканное, с тонкими чертами, невероятными чудесными глазами, с пухлыми красиво очерченными губами вызывало в душе Андрея невольный трепет. Молодому человеку казалось, что красота Груши с каждым годом ее взросления сильнее расцветала, и порой Елагину думалось, что земная девушка не может быть столь прекрасна, будто выдуманная сказочная фея.

Среднего роста, Грушенька обладала изящным станом, с невероятно тонкой талией, округлыми бедрами и высокой девичьей грудью. Ее легкая поступь, грациозность, плавность движений, нежный голос, немного наивный пленительный взор вызвали в сердце молодого человека потаенные пламенные терзания. Ее светло-русые длинные волосы, которые она обычно собирала в изысканный узел на затылке или в косы-краси над ушами имели сочный светло-медовый цвет, придавая ее коже теплый оттенок. Однако самыми необычными казались дивные большие глаза, которые имели редкий фиолетовый цвет. Волшебные, словно у колдуньи, глаза Груши напоминали своим оттенком драгоценный камень аметист. Чудный взор Грушеньки стоял перед глазами Елагина денно и нощно, травя его душу своей прелестью.

В ушах Груши зашумело, потому что фраза молодого человека вызвала в ее душе целую гамму чувств. Она ощутила, что ей не просто приятно от его откровенных слов, а невозможно сладостно. Почувствовала, как сердце забилося глухими сильными ударами. Вновь подняв прелестный взгляд на лицо Андрея, Груша отметила тот же пристальный поглощающий взор молодого человека, что и минутой раньше.

– Татьяна Николаевна немного простыла в январе, – произнесла она, смотря в ласковые голубые глаза Елагина. – А так она посещала все балы, на которые ее приглашали, – произнесла Груша совершенно пустую фразу, чтобы разрядить страстное напряжение, которое возникло между ними после откровенных слов Елагина.

– А как же вы, Грушенька? Вы не болели? – заметил Андрей обеспокоенно.

– Нет, – ответила она и вновь опустила глаза, уже не в силах выдержать горящего взора, который молодой человек, видимо, не собирался отводить от ее лица.

– Груша! – раздался звонкий недовольный голос Татьяны сверху лестницы. Княжна, обернувшись, стояла около парадных дверей и сердито смотрела на Грушу.

– Извините меня, – прошептала девушка Елагину и, проворно подхватив юбки, направилась к княжне.

Простота наружной отделки дворца резко контрастировала с роскошным внутренним убранством. Прекрасные интерьеры, а в особенности большой бальный зал – главный зал дворца – украшались богатыми росписями, плафонами, лепниной, позолотой, зеркалами и декоративными тканями. В строении имелось более тридцати залов и комнат.

На первом этаже располагались бело-золотой бальный зал, голубая, малиновая и золотая гостиные, фарфоровый, чайный и итальянский салоны, розовая столовая, кабинет, библиотека, картинная галерея. Широкая лестница, облицованная мрамором, прямо из широкой парадной вела на второй этаж. Наверху находилась музыкальная гостиная овальной формы, увенчанная куполом мезонина, литературный салон, курительная, спальни хозяев, бильярдная, комнаты для гостей и гувернеров. В правом одноэтажном флигеле была буфетная и кухня с кладовкой, а в левом располагались девичья и прядильная комнаты.

Комнатка Груши находилась на втором этаже в самом конце анфилады господских спален в западном крыле. Спальня девушки была выполнена в бордовых тонах и когда-то давно служила комнатой для гувернантки княжеских детей. Из окон Грушиной комнаты виднелись липовая аллея и часть реки Нары. Простое убранство составляли кровать, плательный шкаф, зеркало и небольшой письменный столик с креслом. Однако девушка очень любила свою маленькую мрачноватую спальню, ибо до сих пор помнила ту убогую крестьянскую избу, в которой жила с отцом до четырех лет.

Без промедления переодевшись в домашнее розовое платье, Груша направилась по широкому коридору, украшенному по низу стен светлыми деревянными панелями, в спальню княжны. Открыв тяжелую помпезную дубовую дверь, девушка оказалась в яркой комнате с гобеленами на стенах, изображавшими большие бледно-розовые цветы. Княжна полулежала на небольшом диванчике и, недовольно вздыхая, закладывала в рот крупные виноградины, которые находились на серебряном блюде перед ней.

– Ах, Груша, сядь со мной. Отчего-то мне так тоскливо, – велела Татьяна.

– Просто вы устали, Татьяна Николаевна, – сказала Груша, опустившись на кресло, стоявшее напротив диванчика. – Дорога из Петербурга такая утомительная.

– Да нет, дело не в этом, – раздраженно заметила княжна и со звоном поставила серебряное блюдо с виноградом на резной ореховый столик. – Константин никак не едет. А я так устала заниматься этими нудными делами в усадьбе.

– Но ведь Андрей Прохорович неплохо справляется с хозяйственными делами, – ответила Груша, не понимая, с чего вдруг княжна решила, что она занимается делами усадьбы. Еще ни разу со смерти старого князя Груша не видала, чтобы Татьяна Николаевна решала хоть один вопрос, касающийся поместья.

– Да прям, справляется, – как-то кисло сказала княжна. – Тогда отчего же, едва мы по осени уехали с тобой в Москву, он уже через месяц письмо прислал, да в нем просил, чтобы мы вернулись обратно, а то он не знает, в какой цвет восточный флигель перекрашивать. Так что Елагин не может ничего и решить-то без меня. Ты же знаешь, как он всю зиму чуть ли не в каждом письме зазывал меня обратно сюда, в деревню, и постоянно писал, приезжайте да приезжайте. Все же он не понимает, как чудесно время проводить в столицах, – добавила недовольно княжна. – Вот раньше, когда папенька был жив, так я по полгода в Петербурге жила.

– Так и было, – ответила Груша.

Она вспомнила, как все свои детские и отроческие годы безвылазно провела здесь, в Никольском. Князья с дочерью каждую зиму переселялись в свой особняк в Москву или гостили в Петербурге у родственников, наслаждаясь зимними балами, забавами и всякими увеселениями. Груша же зимой часто скучала в деревне и в огромном количестве читала разнообразные книги, которых было множество в дворцовой библиотеке Урусовых. Груше было все интересно. И астрономия, и история, и другие науки. Все зимы напролет девушка проводила в зимнем саду с книжкой, сидя в уютном кресле. Чтобы занять свое время в отсутствие князей, Груша также часто помогала на кухне кухаркам или Агафье с управлением по дому. Но едва в поместье в апреле появлялась княгиня с дочерью, Груша более не дерзала показываться на кухне или рядом с простыми девушками-служанками, так как знала, что Мария Кирилловна будет недовольна этим. Лишь в этот год, после смерти отца, Татьяна, ощущая одиночество, решила взять Грушу с собой в Москву, дабы не так сильно скучать по умершим родителям.

Воодушевленная, Груша около месяца пребывала в некой эйфории по поводу предстоящей поездки. Однако впервые попав в Москву, а потом и в Санкт-Петербург этой зимой, Груша была разочарована этими шумными, помпезными столицами, а также их высокомерными надменными жителями-дворянами. Именитые мужчины, едва знакомясь с Грушей, немедленно проявляли симпатию к девушке. Но, едва узнав, что она крепостная княжны Урусовой, утрачивали к ней всякий интерес, а при следующих встречах лишь бросали на нее странные долгие взгляды и не заходили в общении с ней далее приветствия.

Великосветские дамы и девицы вообще презрительно и ехидно смотрели на нее и практически никогда не здоровались, явно считая себя выше. Это отношение московского и петербургского высшего общества почти не беспокоило Грушу, ибо еще с детства она понимала свое положение в доме Урусовых и знала, что не должна жить подобно барышне, ведь ее настоящее место было среди простых крестьян и мастеровых, из среды которых были родом родители.

Оттого нынче, вернувшись в Никольское, Груша в воодушевлении поняла, что здесь, в деревне, где все люди проще, понятливее и добрее, она чувствует себя гораздо лучше и спокойнее. К тому же здесь жил Елагин, и именно этот факт делал загородное имение князей самым желанным и любимым местом для Груши. Никольское с его прудами, парком, ягодным садом и бурной рекой было неразрывно связано с детством девушки, с ее трепетной влюбленностью в молодого управляющего Андрея.

– А сейчас я должна запереть себя в этой глуши, где нет никаких достойных развлечений, – печально заметила княжна, вздыхая.

– Можно съездить в гости к соседям или устроить бал, – подсказала Груша. – Вы немного развеетесь.

– Какой еще бал?! Для кого его устраивать в этой глуши? – раздраженно произнесла Татьяна. – Скорее бы уж Костя приехал из-за границы.

– Жаль, что Константин Николаевич не едет, – произнесла нужную фразу Груша, чувствуя, что ей совершенно все равно, приедет брат Татьяны или нет. В последний раз Груша видела Константина Николаевича Урусова, которому в сию пору было далеко за тридцать, давно, еще в раннем детстве. И его образ, какой-то расплывчатый и непонятный, не оставил в душе девушки никакого заметного следа.

– Да за границей веселее, нежели у нас в Петербурге, – пожала плечами княжна. – Как я его понимаю. Хотя, знаешь, Груша, – тихо добавила Татьяна, наклоняясь к девушке, – У нас-то молодые дворянчики все же лучше, чем там, в Европе. Ты ведь помнишь мой вояж с отцом в Париж прошлым годом. Насмотрелась я там на этих заграничных дворян. Бррр... странные они какие-то. Только глазами стреляют, да и все. Так вот, скажу я тебе, наши русские дворяне гораздо интереснее, смелее да романтичнее, чем европейские. Наши-то молодые люди и шаль придержат, и ручку так поцелуют, что аж до мурашек пробирает. Помнишь, как корнет Лежнев

увивался за мной этой зимой? – мечтательно заметила княжна. – И не просто цветы каждый день от него приносили, а вон еще чего удумал: под моими окнами стоял. Да один раз даже на балкон залез! Ну, ты же помнишь, как вся дворня сбежалась, когда он прыгнул ко мне на балкон, и я с перепугу закричала.

– Помню, – кивнула Груша.

Она нахмурилась, отчетливо вспомнив, как этот корнет Лежнев в ту мартовскую теплую ночь вначале залез на балкон ее Груши, когда она легла спать. Около полуночи его худощавая высокая фигура появилась перед окном ее спальни. Тогда Груша не на шутку испугалась и, проворно накинув шаль, вышла на балкон. А корнет бесцеремонно заявил, что влюблен в нее, и она непременно должна стать его возлюбленной. Груша же, зябко кутаясь в шаль и опешив от слов молодого человека, тогда заметила, что Лежневу нравится княжна Татьяна, все-таки именно ей он посылает каждый день цветы. На ее заявление корнет скорчил кислую мину и заявил, что заносчивая бледная княжна никогда не интересовала его, а вот она, Грушенька, уже второй месяц является предметом его дум и мечтаний, и только чтобы иметь возможность хоть иногда видеть ее, он был вынужден волочиться за княжной.

После этих слов Лежнев попытался обнять Грушу. И девушка, окончательно оторопев, возмущенно отскочила подальше от прыткого молодого человека, холодно заявив, что Лежнев ей совершенно безразличен, и потребовала, чтобы он немедленно покинул ее балкон. После этой ее фразы корнет выпалил, что для дворовой девки она слишком высокомерна, и с досады обозвал ее непотребным словом. Груша в ответ отвесила наглецу пощечину и велела ему уйти, пока она не позвала слуг. Лежнев окончательно разозлился и в бешенстве заявил Груше, что в отместку за ее холодность уж точно станет волочиться за княжной. Она никак не прореагировала на его слова. А корнет, видимо, желая подтвердить свою угрозу действиями, направился к перилам балкона и по парапету проворно перебрался на балкон княжны, где его и увидела Татьяна. Все подробности этой неприятной истории Груша, естественно, оставила в тайне, чтобы не разрушать романтические мечтания княжны, которая потом месяц вспоминала дерзкий поступок корнета с поэтическим восхищением.

– Да... корнет Лежнев весьма горяч, да и внешне он очень даже ничего. Но вот после того раза он более не ухаживал за мной, а жаль... – произнесла мечтательно Татьяна.

– Жаль, – кивнула Груша, вновь отчетливо вспомнив, как через неделю после той вылазки на балкон ночью Лежнев отчего-то появился около модной лавки, когда Груша дожидалась на улице княжну. Корнет возник рядом с нею неожиданно и, нервно кусая губы, выпалил:

– Вы холодное существо! И как я мог любить вас! Я вам совсем безразличен, вижу!

– Прошу вас, сударь, не надо снова об этом, – тихо произнесла Груша, оглядываясь и моля Бога о том, чтобы из лавки в этот момент не вышла княжна Урсова. – Я же вам уже все объяснила в прошлый раз на балконе...

– Ах! – воскликнул в сердцах Лежнев и трагическим тоном добавил: – Что ж! Завтра же я еду на Кавказ, и, ежели меня там убьют, в этом будете виноваты вы одна!

В этот момент на крыльце лавки появилась княжна. Увидев беседующих Грушу и корнета, Татьяна удивленно округлила глаза. Лежнев, так же заметив княжну, зло зыркнул в ее сторону и проворно скрылся в толпе. Княжна же спустилась к Груше и спросила:

– Это был корнет Лежнев?

– Он, Татьяна Николаевна, о вас спрашивал, – мгновенно придумала Груша. – Он опечален тем, что в прошлый раз вы так раскричались на балконе, что отныне боится показаться вам на глаза.

– И напрасно, – кокетливо заметила Татьяна, довольно улыбаясь. – Я все обдумала и поняла, что он весьма приятен, этот корнет. И я была бы совсем не против, если бы он поухаживал за мной.

Глава III. Тайные думы

В данный миг, вспомнив все эти неприятные события, Груша нахмурилась, думая, как перевести разговор на другую тему.

– Странно, отчего ваш братец никак не возвращается? – сказала Груша. – Как-никак еще прошлым летом вы отписали ему, что Николай Васильевич умер.

– Да, и не говори. Константин даже на похороны родителей не приехал, – печально вздохнула Татьяна. – Да и в последнем письме братец писал, что в январе к нам уж точно приедет. А сейчас уже апрель, и где он?

– Рано или поздно надобно ему приехать в Россию, – заметила безразлично Груша. – Ведь ему пора вступить в наследование всеми землями и имениями.

– Да, ты права, – кивнула княжна и добавила: – Сколько же мы не виделись с братцем-то? Наверное, лет девять. Последний раз в Петербурге прощались. Интересно, изменился он или нет? Наверное, все такой же красавец и балагур...

Грушенька нахмурилась, пытаясь вспомнить, как выглядит Константин Николаевич, но память рисовала расплывчатый образ высокого светловолосого молодого человека. Последний раз она видела молодого князя, когда ей было лет пять или шесть, здесь, в усадьбе, летом. Тогда она играла во дворе с крепостными детьми и упала. Не прошло и минуты, как ее подняли чьи-то сильные руки, и Груша, узнав в своем помощнике молодого князя Константина, так испугалась, что не смогла сказать ни слова. А он лишь прищурился и улыбнулся маленькой девочке.

– Ну, ты и шустрая, Аграфена, всех мальчишек загоняла, – сказал тогда Урусов по-доброму и пошел дальше по направлению к конюшням.

Тогда Константину Николаевичу было около двадцати пяти лет, он едва окончил свою военную карьеру в чине поручика и ушел в отставку. Чуть позже уехал с позволения отца за границу и уже более десяти лет жил на чужбине.

– Помню, как Константин в последний раз на целую неделю бал закатывал по случаю своей отставки, перед своим отъездом за границу. Ты-то не видела, а я в Москве как раз с матушкой была. Так я до сих пор помню, как всю неделю такой кутеж был, что весь квартал по ночам спать не мог. Пока уже отец не возмутился. – Татьяна звонко рассмеялась. – Да, погулять-то братец умеет. Только вот остепенился ли теперь? – продолжала Татьяна. – Все же отныне он глава семьи.

– А вы, Татьяна Николаевна, не забыли о моей просьбе? – очень вежливо и просяще спросила вдруг Груша, устремив на княжну любящий тревожный взор.

– Ты про вольную? – спросила Татьяна. – Нет, Груша, не забыла. Ты же знаешь, что я прав-то не имею. Адвокат ведь сказал, нынче все бумаги может только Константин подписывать. Жаль, что матушка не успела тебе подарить вольную к твоему шестнадцатилетию.

– Жаль, – кивнула Груша.

Отчетливо вспомнив, как Мария Кирилловна скоропостижно скончалась два года назад. Ведь именно ко дню рождения Груши в декабре княгиня Урусова обещала выпустить вольную для девушки, которую любила как собственную дочь. Позже отец Татьяны, старый князь Николай Васильевич, как-то позабыл о вольной, а Груша боялась просить его. В августе прошлого года старый князь умер от сердечного приступа, и девушка так и осталась без обещанной милости. Теперь же ей надо было ждать возвращения брата Татьяны, чтобы Константин Николаевич уже непременно дал ей вольную, как намеревалась сделать покойная княгиня.

– Ты не беспокойся, Груша. Как только Константин вернется, я сразу же переговорю с ним о тебе. Я думаю, все решится довольно скоро, – сказала Татьяна и подбадривающе улыбнулась девушке.

– Благодарю вас, Татьяна Николаевна, – кивнула Груша и так же улыbnулась княжне по-доброму.

– Знаешь, Груша, я давно хотела тебя спросить, что ты думаешь о нашем управляющем, о Елагине? – вдруг спросила княжна.

– А что я должна о нем думать? – произнесла удивленно Груша.

– Ну как же, Груша, – тихо сказала княжна, и глаза ее загорелись. – Согласись, все же он довольно интересен, не правда ли? – Грушенька пожала плечами и чуть нахмурилась. Она уже привыкла, что Татьяна еще с детства поверяла ей свои секреты и тайные мысли. – Да, да он весьма интересен, мне так кажется, – утвердительно добавила княжна и вдруг, чуть прикрыв глаза, мечтательно вымолвила: – Такой он мужественный, сильный, а выправка у него какая! Сразу видно, что бывший военный. Ты знаешь, Груша, хоть он и беден и оттого и служит у нас управляющим, но в нем сразу чувствуется порода, и что он из дворян. Держится так холодно и с таким достоинством, что иногда так и хочется переодеть его в парадный фрак, и уж тогда он точно будет не хуже, а наверняка намного эффектнее выглядеть, чем некоторые богатые дворяне.

– Вы столько нафантазировали, Татьяна Николаевна, – улыbnулась Груша.

Княжна же в ответ лукаво улыbnулась и заметила:

– А что, я правду говорю. Вот даже сегодня, когда он забирал нас с вокзала, я обратила внимание на его руки, ладони у него хоть и широкие, но форма кисти такая красивая, мужская. А статный он какой? И плечи широкие, и ноги сильные. А взгляд-то у него какой! Если взглянет так, ах, мурашки по коже пробегают. Вот не был бы нашим управляющим, я бы в него вмиг влюбилась.

– Так вы же в подпоручика Некрасова влюблены, – опешила Груша.

– Это уже в прошлом, – кисло заметила княжна. – Я вот еще зимой подумала, что наш-то Андрей Прохорович уж больно хорош. Так он у меня уже целый месяц из дум не выходит. А как ты думаешь, если я намекну ему на свои чувства, сможет ли он ответить мне тем же?

– Не знаю, Татьяна Николаевна, – пролепетала Груша, тут же опечалившись.

Ее существо сжалось от предчувствия надвигающихся страданий. Ведь последние несколько лет Елагин вызывал в душе Грушеньки противоречивые страстные думы. Уже давно Груша тайно любовалась и восхищалась Андреем и выделяла его среди других мужчин и молодых людей. Своим юным еще неопытным сердечком девушка осознавала, что влюблена в Андрея. Однако боялась открыться кому бы то ни было в своих тайных чувствах к молодому человеку, а более всего опасалась показать свою влюбленность самому Елагину.

Едва Груша оказывалась рядом с ним, она начинала бледнеть, дрожать и боялась даже поднять глаза на молодого человека, думая, что он непременно заметит ее интерес. Андрей всегда был вежлив с нею и добр. Но в последнее время Груша стала отмечать, что он стал к ней внимательнее. Ежедневно, при условии, что Елагин оставался в усадьбе, он находил время, чтобы поздороваться с Грушей, а если вдруг она оставалась ненадолго одна, Андрей часто сопровождал ее в прогулках по саду или к реке.

Он с интересом расспрашивал Грушеньку обо всех ее занятиях, о том или ином событии и о ее взаимоотношениях с княжной. Во время этих прогулок, когда Елагин начинал уж больно пристально смотреть ей в глаза, девушка часто смущалась, но все же живо и с радостью отвечала на все его вопросы и с удовольствием поддерживала разговор, расспрашивая молодого человека о его работе, занятиях и семье. Пару раз они с Андреем даже ездили верхом прогуляться по окрестностям. Это было прошлой осенью, когда княжна болела и отказывалась ехать вместе с Грушей.

И сейчас, смотря на княжну, девушка отчетливо вспомнила ту верховую прогулку с Елагиным в прошлом октябре. Тогда на конюшне, встретив Андрея, Груша ответила на его вопрос, отчего она едет кататься одна, упомянув о болезни княжны. А молодой человек выра-

зил желание сопроводить девушку на прогулку. Груша смущенно согласилась, в глубине души ликуя от радости. И молодые люди два часа провели вместе, объезжая окрестные луга и поля, обмениваясь впечатлениями об окружающей их увязающей яркой осенней природе. Всю зиму Грушенька провела в Москве и Петербурге с княжной и только сегодня вновь увидела Елагина. Андрей ей показался невозможно родным и желанным. Его голос, его взгляд вызвали в душе девушки трепетное обостренное чувство влюбленности. И в эту минуту, слушая княжну, Груша тихо вздыхала, прекрасно понимая, что та, несомненно права в том, что Елагин исключительный и очень притягательный молодой человек.

– Вот было бы чудесно, если бы Константин разрешил нам обвенчаться... – вымолвила Татьяна мечтательно.

– Но он же управляющий, – пролепетала тихо Груша, придумав тут же единственный аргумент, который, по ее мнению, должен был остудить пыл княжны. Хотя Груша и привязалась к Татьяне всей душой, но влюбленность в Андрея была гораздо сильнее в ее сердце. И одно лишь осознание того, что Елагин и княжна могут обвенчаться, вызвало в душе Груши страдания и боль.

– Ну и что? – капризно заметила Татьяна. – Согласна, он беден, но он все же дворянин! А коли уговорить Константина, то я бы своим богатым приданным составила счастье Андрея. Как ты думаешь?

Груша молчала, печально думая о том, что зря размечталась о Елагине. Как-никак она была крепостной, а он дворянином, как напомнила ей княжна. Конечно же, как и сказала Татьяна, Андрей более подходил в мужья как раз княжне Урусовой, чем ей Груше. Наверняка никогда ни один дворянин не влюбится в крепостную девку и уже тем более не женится на ней. И именно поэтому Груша почти болезненно желала стать свободной.

– А может, и правда устроить нам званый вечер? – спросила вдруг княжна. – Например, в эту среду? Как ты думаешь, Груша?

– Наверное, лучше в субботу, Татьяна Николаевна, – осторожно предложила та. – До среды всего пять дней осталось, не успеем подготовиться.

– Отчего же? Сейчас велю Агафье, чтобы девки дворовые генеральную уборку дома сделали и непременно все окна вымыли. Хочу, чтобы в гостиных светло было. Думаю, двух дней им хватит. Да и на кухне надо будет распорядиться, чтобы все сготовили. Ах, правда, надо меню банкетное составить. Но ты мне поможешь?

– Конечно, – кивнула Груша, в душе жалея дворовых девушек, поскольку весь помпезный особняк с окнами и лестницами возможно было вымыть не менее чем за неделю, а то и за десять дней. Но, видимо, из-за прихоти княжны дворовые служанки будут вынуждены работать без отдыха, лишь с коротким перерывом на сон. Думая о том, как помочь Агафье с уборкой, Груша почти не слушала княжну и поймала лишь последнюю фразу Татьяны:

– Надо к понедельнику придумать обеденные блюда, и пусть Матрена посчитает, каких продуктов изысканных да фруктов надобно будет. А Андрея Прохоровича пошлем во вторник в Москву, чтобы все привез.

– Но Андрей Прохорович нынче подготовкой к посевной занят. Ему, наверное, некогда будет.

– И что же? Неужели эта, его посевная, важнее моего званого вечера? – ошетинилась негодуяще княжна. Груша замолчала и более не стала спорить, зная, что Татьяна хоть и относилась к ней с добротой, но все же не любила, когда с ней спорят, а тем более Груша. – Ничего, найдет денек и съездит за продуктами в Москву. А ты не забудь к среде подготовить не менее дюжины романсов. Петь будешь.

– Как скажете, Татьяна Николаевна, – заметила Груша покорно.

Глава IV. Нара

Весна уже завладела округой. Из-под земли под вековыми дубами уже пробивались подснежники, и показалась первая медуница. Лед на реке давно сошел, и яркие лучи солнца играли на глади водной бурлящей широкой серой Нары. Птицы заводили свои звонкие весенние трели. Наступил май, и погода стояла на редкость теплая и солнечная.

В этот понедельник поутру, пока княжна спала, Груша решила пройтись до высокого берега реки Нары. Девушка любила эти утренние часы до завтрака, когда природа едва просыпалась и первые золотистые лучи освещали утреннюю чашу. Сегодня уже с утра солнце припекало довольно жарко, и она ушла на прогулку лишь в одном летнем платье и легкой ажурной шали.

Спустя час девушка остановилась на высоком берегу реки и с восхищением посмотрела на бурлящий водный поток. Груша стояла, не шелохнувшись, долго, неподвижно, наслаждаясь окружающей ее тишиной и покоем. В какой-то момент она слышала шаги за спиной. И даже не успела обернуться, как рядом раздался приятный баритон Елагина:

– Утро доброе, Грушенька...

Молодой человек уже оказался сбоку от нее, в двух шагах, и девушка обернулась. Увидев на лице Андрея приветливую белоснежную улыбку, которая сделала его лицо невероятно приятным, Груша смутилась и, опустив взор, ответила:

– Здравствуйте, Андрей Прохорович.

– Вы позволите? – спросил Елагин властно и протянул ей руку.

Она согласно кивнула и приняла его ладонь, ощущая, как сердце трепетно застучало. Андрей быстро склонился и легко прикоснулся губами к ее пальчикам. Груша, смотря на его темноволосую склоненную голову, подумала о том, что он единственный мужчина, который целует ей руку. Потому что деревенские парни не умели этого, а дворяне явно считали это ниже своего достоинства. Молодой человек проворно выпрямился, и его взор прилип к личику девушки.

Елагин происходил из семьи потомственных военных. Его отец и дед славно служили в армии и только в старости вышли в отставку. И Андрей не мыслил для себя иной судьбы. Уже в шестнадцать лет он поступил простым корнетом в конный лейб-гвардии полк, который дислоцировался в Санкт-Петербурге. И сразу же в числе добровольцев был переведен на Кавказ, где три года спустя, уже в звании подпоручика, отличился особо мужественным поступком, сумев вывести свой отряд из окружения чеченцев около аула Кутиши. За это Елагин был удостоен Георгиевского креста четвертой степени.

В 1849 году со своим полком он участвовал в подавлении мятежа в Венгрии, а позже во время Крымской войны нес службу по охране побережья Финского залива на случай высадки англо-французского десанта. Его покойный отец, выйдя в отставку, пристрастился к игре в карты и довольно скоро промотал и так небольшое состояние семьи. Умерев, родитель Елагина оставил лишь долги. Мать Андрея, чтобы удовлетворить всех кредитов, была вынуждена продать их имение и большой особняк и перебраться в маленький съемный домик на окраине Петербурга. Таким образом, Андрей оказался единственным кормильцем в семье. Потому все свое небольшое военное жалование молодой Елагин посылал матери в столицу на проживание, а также на содержание младшего брата. К тому же Андрей постоянно помогал деньгами и своей свояченице, жене покойного старшего брата, которая также нуждалась в деньгах.

В начале 1853 года Елагин вновь участвовал в военных действиях на Кавказе и был тяжело ранен в плечо и колено. Пуля, попавшая в ногу, раздробила часть кости. Елагин перенес две сложнейшие операции, но доктора удрученно прогнозировали, что молодой человек не сможет ходить. Около четырех месяцев Андрей лечился во Владикавказе на минеральных

источниках, хотя ни один врач не мог дать утешительного прогноза. Но молодой человек не собирался сдаваться и навсегда оставаться инвалидом. Его упорство, желание вновь встать на ноги, каждодневные нагрузки и тренировки сделали свое дело, и уже через полгода молодой человек не просто встал, но и начал безболезненно ходить, практически не ощущая своей немоги. Конечно, хромота осталась, но это, по мнению Елагина, было пустяком, ведь изначально доктора пророчили ему кресло инвалида.

Военное министерство выдало бумагу о том, что Елагин навсегда комиссован по состоянию здоровья на основании заключения лечащих докторов. Больное колено уже через год перестало доставлять молодому человеку неудобства, и постепенно нога приспособлялась к нагрузкам и постоянному напряжению на работе, а хромота становилась все менее заметна. Уйдя в вынужденную отставку, Андрей решил поступить на службу управляющим. Именно так в начале 1854 года он попал в усадьбу князей Урусовых.

– Рекой любуетесь? – спросил Елагин, вновь улыбнувшись ей, заметив, что та окинула его быстрым взором. Правая рука молодого человека была спрятана за спину, и девушка невольно подумала, что он, как обычно, держит короткую плетку – Андрей постоянно ездил верхом.

– Да. Такое завораживающее зрелище, – воскликнула Груша и вновь обратила взгляд на реку. Андрей, скользнув дерзким и жадным взглядом по изящной фигурке девушки, придвинулся.

– Может, прогуляемся вниз к реке? – вдруг предложил он.

– С удовольствием, – охотно ответила она.

И отчего-то подумала о том, что посевная в самом разгаре. Но по какой причине Елагин вдруг вознамерился гулять с ней, когда она прекрасно знала, что у него много дел? Этого она не могла понять. Сердце девушки радостно застучало от его предложения прогуляться вместе, и в думы Грушеньки настойчиво влезла мысль о том, что Андрей Прохорович именно ради нее оставил свои многочисленные дела, чтобы побыть в ее обществе.

Елагин галантно предложил ей локоть, и Груша, осторожно просунув маленькую ладонь ему под руку, ступила на тропу рядом с молодым человеком. Они не прошло и пяти минут, как Андрей завел разговор:

– Вы не рассказали мне о том, как провели зиму в Москве.

– Извольте, если вам интересно, я расскажу, – ответила девушка, бросая на него взор и стараясь не смущаться под давящим пронзительным взглядом. Она заставила себя не отвести глаз от его лица и спросила: – О чем вы хотите услышать?

– Куда вы ездили? Бывали ли на балах?

– На балах, что вы! – опешила от его слов Груша. – Княжна никогда не брала меня на балы, да и не могла бы. Лишь несколько раз я сопровождала ее с визитами и по модным лавкам. Мы много гуляли в парках и на катки разные ездили.

Ее ответ явно понравился Елагину, и он, не спуская напряженного взора, довольно произнес:

– А вы знаете, Грушенька, я даже рад, что вы не посещали балы. Кроме духоты и тесноты, вы бы там ничего не нашли.

– Правда? – удивленно спросила она.

– Конечно, – кивнул со знанием дела он. – Пару раз, еще в юности, когда я служил в чине подпоручика, мне доводилось посещать зимние балы. И могу вас уверить, Грушенька, вы ничего не потеряли...

Елагин замолчал, про себя думая о том, что Грушино крепостное положение хоть и досадно, но явно играет ему на руку. Андрей прекрасно осознавал, что, если бы девушка родилась дворянкой и могла посещать балы, как и все барышни ее возраста, непременно уже в первый сезон вышла бы замуж. Поскольку с ее чарующей красотой и ранимым покладистым характером, словно у маленькой певчей птички, она не засиделась бы в девках. И наверняка у

ее ног был бы не один богатый и знатный дворянин, который предложил бы ей руку и сердце. Он же, Елагин, хоть и был потомственным дворянином и честно отработывал свой нелегкий хлеб, наверняка мог бы позабыть о своих желаниях относительно девушки, ибо у Грушеньки наверняка нашлись бы женихи гораздо знатнее и богаче, нежели он, едва сводящий концы с концами. Кроме сильного характера, воли, чести, brave военного прошлого и невероятной трудоспособности, у Андрея ничего не было за душой. Так как почти все свое жалование он отправлял родным.

Еще позапрошлым летом Андрей понял, что трепетно и горячо влюблен в Грушеньку. Он не знал, когда это чувство овладело его сердцем, но понимал, что это случилось уже давно. Еще когда она была девочкой, такой непосредственной, веселой, играла с дворовыми детьми или гуляла с княжной по саду, взгляд молодого человека то и дело останавливался на ней, и тогда Андрей отчетливо ощущал, что ему нравится подолгу на нее смотреть.

С того времени, распознав свои истинные чувства, Елагин постоянно пытался приблизиться к объекту своего обожания. Он осознавал, что Грушенька еще невероятно юна, и потому долгое время сдерживал свои порывы. Но его сердце и душа непременно жаждали общения с этой прелестницей. Оттого молодой человек то и дело искал предлоги, чтобы поздороваться с Грушей или прогуляться рядом с нею. Сильное неотступное стремление находиться рядом с девушкой уже к прошлой осени превратилось для Елагина в навязчивое желание. Он постоянно находил малейшие поводы приблизиться к Грушеньке, выслеживал ее везде, и в итоге прошлой осенью совсем забросил дела, не в состоянии думать ни о чем другом, кроме объекта своего вожделения. Иногда ему даже удавалась прогуляться с Грушей по саду наедине или покатиться верхом. Но это было редкостью, ибо постоянного присутствия девушки рядом с собой требовала молодая княжна.

Елагин прекрасно видел и знал, что Грушенька невинна и чиста мыслями. Оттого молодой человек не позволял себе даже словом намекнуть на свои чувства, боясь показаться грубым и пошлым. Лишь краткие поцелуи ее руки и горячие страстные взоры, направленные в ее чудные глаза, служили проявлением его чувств к девушке. Но даже от его настойчивых взглядов она как-то по-детски наивно смущалась, отворачивалась, и щеки ее покрывались румянцем. Со зрелости своего возраста, он ощущал, что она еще невозможная девочка. Но Елагин не собирался отступать и настойчиво искал повод, чтобы признаться или хотя бы намекнуть Груше на свои чувства. Мысли о ее юности, чарующей грации и невероятной прелести постоянно терзали его душу и не давали покоя.

В тот прошлый трагичный декабрь, когда княжна уехала с Грушей в Москву, Андрей уже через неделю в разлуке с Грушей явственно ощутил, что у него будто забрали смысл существования. Уже к концу декабря молодой человек понял, что безумно влюблен в девушку и хочет, чтобы она непременно стала его женой. Да Андрей пару раз влюблялся в своей жизни. Один раз еще во время учебы в военном кадетском корпусе, а второй – на водах, где длительное время лечился после тяжелого ранения. Но те увлечения прошли довольно быстро. И Елагин четко осознавал, что Груша стала первой девушкой, которая вызвала в его душе истинную глубокую любовь.

Пока она находилась вместе с княжной в Москве и Петербурге, Андрей от терзаний не находил себе места и с ожесточением работал. Чуть ли не каждый день он ездил по всем предприятням и деревням Урусовых, что были в округе, наведывался по делам в соседние имения для заключения сделок по поставкам и продажам, задумал обновить фасад одного из флигелей дворца. Работая постоянно, много и утомительно, Елагин удовлетворялся лишь кратковременным ночным сном. Все это он делал, чтобы забыться и не думать об обожаемой девушке. Зная, что Груша вернется только вместе с княжной, молодой человек каждую неделю настойчиво писал княжне, прося ее приехать и придумывая все новые предлоги, отчего Татьяна Николаевна должна появиться в имении. Однако все его просьбы оставались лишь просьбами, а

княжна так же, как и Груша, не появлялась в деревне до апреля. Андрей еле выдержал эту долгую пытку разлукой. И вот теперь, едва девушка вновь появилась в имении, молодой человек вознамерился действовать уже более решительно и наконец открыться Грушеньке в своих чувствах.

Но это оказалось не так легко. Сейчас Елагин шел рядом с девушкой, бросая страстные быстрее взгляды на ее пленительный профиль, и не знал, как начать важный для него разговор. Андрей не мог с точностью угадать, нравится он Груше или нет, но по ее искреннему смущению и долгим взглядам, которые он то и дело ловил, молодой человек мог предположить, что девушка также равнодушна к нему.

Андрей уже все давно спланировал и знал, что будет делать, если все устроится удачно и Грушенька ответит на его чувства. Конечно же, он выкупит ее у князей. Деньги на это он копил всю зиму и весну, отказывая себе во всем. А если понадобится, то и возьмет в долг недостающую сумму. А после того выправит ей вольную, и они непременно поженятся. Сладостное слово венчание сидело в думах Елагина давно, словно заноза. Ведь только после него он мог бы не просто целовать девушку, а непременно сделать Грушеньку полностью своей.

Глава V. Полевые цветы

Всю прогулку он то и дело напрягал локоть, за который держалась Груша, чтобы она не почувствовала, как дрожит его рука от прикосновения ее маленькой ладошки. Лишь поцелуй, возможно, долгий, страстный Елагин жаждал получить от нее в этот момент. И не знал, как намекнуть Груше о своих порывах.

– Расскажите, что вам более всего понравилось в столице? – задал Андрей вопрос, лаская взором притягательную выпуклость ее груди в платье нежно-абрикосового цвета, с небольшим округлым вырезом. Она была без шляпки, и светло-медовые локоны, собранные в простую прическу, чуть растрепались на ветру, а короткие прядки красиво обрамляли нежные щеки, придавая ее лицу невозможную прелесть. Она едва доставала макушкой до его подбородка.

– Меня поразил дворец князей Юсуповых, у которых мы были в гостях, – сказала вдруг Груша, и в ее голосе отчетливо послышались нотки восхищения. – Что стоит на Садовой улице. Такой огромный, белоснежный, а внутри такое великолепие и роскошь, аж дух захватывает.

Андрей, немного смутившись от рассказа девушки, напряженно посмотрел на нее, остановившись.

– Вы бы хотели жить в таком дворце? – спросил он как-то мрачно. В его голосе чувствовалась неуверенность. Он прекрасно знал, что никогда не сможет купить ничего подобного.

Груша удивленно посмотрела в его голубые глаза и легко рассмеялась.

– Я? Как же можно? Я же крепостная! – воскликнула девушка. – Я здесь-то живу из милости, – добавила она уже глухо.

Они остановились у берега реки, и Груша опустила руку с локтя молодого человека. Вдалеке деревенские рыбаки закидывали сети, и девушка засмотрелась на них. Елагин же, не спуская с нее страстного взора и кусая губы, все подбирал слова, чтобы наконец объясниться с нею.

– Вы знаете, Грушенька, вот сейчас вы стоите рядом и мне отчего-то так хорошо на душе, – вдруг произнес тихо проникновенно молодой человек. Она обернулась и так же еле слышно ответила:

– Мне тоже душевно рядом с вами, Андрей Прохорович...

Молодой человек расцвел от ее слов. В следующую секунду Андрей проворно вытащил из-за спины правую руку. Груша с удивлением увидела в его широкой ладони небольшой букетик из подснежников и медуницы. Бело-синие цветы, источающие тонкий аромат, уже немного поникли, видимо, от его горячей ладони. Протянув их девушке, он тихо вымолвил:

– Возьмите, Грушенька, это вам...

Опешив на миг, она ошарашено уставилась на его руку, понимая, что все эти полчаса Елагин упорно скрывал за спиной прекрасный букет из маленьких нежных цветов и словно не решался сразу же подарить его ей. Еще никто и никогда не преподносил ей цветов. Груша смутилась от этого выразительного намека молодого человека на некие чувства к ней и спустя минуту пораженно выдохнула:

– Вы что же, все это время несли их за спиной?

– Да, – ответил Елагин. Она медленно протянула руку и взяла букетик из его ладони, чуть прикоснувшись к его пальцам. При этом действе молодого человека обдало жаром, и он судорожно сглотнул.

– Они очень красивые, благодарю, – произнесла Грушенька и, окончательно смутившись, опустила взор на цветы. В следующую секунду, делая вид, что решила понюхать букет, она чуть склонила голову. Но то было лишь предлогом, потому что этот очень романтичный, по мнению Груши, подарок растрогал девушку до глубины души. Отчего-то в ее голову полезли мысли о том, что Елагин явно неравнодушен к ней и, возможно, даже влюблен, раз решил подарить ей цветы.

Андрей пожирающим темным взором смотрел на нее, и в его голове гнездилась единственная мысль о том, что настал нужный момент, и он должен сказать Груше о своих чувствах, которые уже и так долго скрывал. Но язык прилип к гортани, и он не мог вымолвить ни слова. От напряжения у молодого человека на лбу выступила испарина, и Елагин ощутил, что еще никогда в жизни так не трусил и не боялся. Ни на войне, где его могли убить в любой момент, ни при ранении, когда думал, что лишится ноги. Он боялся того, что Груша или не поймет его желаний, или же, поняв, скажет, что он ей совершенно безразличен. А этого молодой человек боялся более всего. Он чувствовал, что просто не переживет холодности девушки, поскольку в сердце уже давно записал Грушеньку своей любимой и единственной суженой.

Вдруг позади молодых людей раздался громкий стук копыт приближающейся лошади. Елагин напрягся и невольно поднял голову, взглянув на обрывистый берег, откуда слышался топот. Уже через минуту там появилась пегая кобыла, а на ней молодой парень лет двадцати в темном одеянии и картузе.

– Андрей Прохорович, беда! – выпалил Федор, обратив взор на управляющего, что стоял рядом с Грушей внизу у реки, всего в тридцати шагах от него.

Поджав от досады губы и поняв, что момент упущен, Елагин скользнул взглядом по девушке и увидел, что она, подняв голову, смотрит вверх на Федора. Юноша был младшим приказчиком и по указанию Елагина контролировал все посевные работы. Про себя выругавшись и понимая, что Федор появился ужасно некстати, Андрей вновь поднял лицо и громко недовольно спросил:

– Что стряслось-то?

– Дак мы землю боронили на западном лугу, – в ответ громко протараторил Федор. – И недоглядели. Под плуг нечаянно Осип Латынин попал. Он уже с утра пьяный был. Видать, не удержался на жерди, да и упал. Так его почти пополам разорвало! Надобно исправника, наверное, звать и доктора для освидетельствования смерти.

– Черт! Вот нерадивое мужичье, – выплюнул раздосадовано Елагин, побледнев от этой дурной вести. Он понимал, что не просто лишился работника, нынче явно ему придется объясняться перед исправником, как так получилось. И к тому же выплатить вдове покойного пять рублей за потерю кормильца. Однако молодой человек почти тут же подумал, что зря вспылил при девушке и, увидев ее растерянный взор, вымолвил, извиняясь: – Простите, Грушенька, ничего по-человечески сделать не могут. Я пойду.

Андрей сорвался с места и устремился вверх к обрыву, где верхом на лошади сидел Федор. Елагин проворно взлетел наверх и на ходу выпалил:

– Какого рожна его пьяного на плуг поставили?

– Дак, Андрей Прохорович, вы же знаете, что у нас мужиков не хватает. Как-никак, половина села для лесопилки деревья валит, – начал оправдываться Федор.

– Все равно пьяного не дело было ставить! – жестко процедил Андрей, уже взобравшись на обрыв и проворно вскочив в седло позади Федора. Уже через миг молодые люди скрылись из виду.

А Груша, чуть опечаленная смертью крестьянина, еще долго смотрела вслед Елагину и Федору и думала о том, отчего Андрей подарил ей этот букет из лесных цветов. Девушка погуляла еще около получаса и решила возвращаться домой. Взобравшись обратно на скалистый берег, Груша направилась к усадьбе. Всю обратную дорогу она была задумчива и размышляла о том, что произошло нынче поутру. Мысли девушки были окрашены в романтические и в то же самое время печальные тона. Воспоминание о милой и душевной прогулке с Андреем омрачалось в душе девушки известием о гибели мужика, что попал под плуг. Она вернулась домой ближе к девяти, и зашла на кухню. Кухарка Матрена и пара крепостных девушек готовили завтрак. Груша же, едва заметив Агафью, стоявшую здесь же к ней спиной, ласково окликнула:

– Нянюшка, доброе утро.

Полноватая дородная женщина обернулась на звонкий голосок девушки и, улыбнувшись Груше, засеменила навстречу.

– Гуляла, Груня? – спросила ласково Агафья и, подхватив девушку за талию, повела ее прочь из кухни.

– На реку ходила, там так красиво и тихо, – ответила Груша. Они вышли в просторную парадную. Здесь было пустынно, и Агафья, уже не сдерживаясь, сильнее обняла девушку за хрупкие плечи и ласково поцеловала Грушу в щеку.

– Ох, мое милое дитяtko, – проворковала с любовью Агафья, отстраняясь от девушки. – Ты что же в одном платье гуляла?

– У меня шаль еще, – ответила Груша, ласково улыбаясь няне.

Агафья, невысокая баба сорока с лишним лет, была заведующей над всей прислугой в усадебном доме князей Урусовых. У нее было открытое доброе лицо с темными веселыми глазами. Раньше Агафья была няней Груши. Когда княгиня Мария Кирилловна взяла четырехлетнюю девочку-сироту к себе в дом много лет назад, она сразу же нашла Груше молодую одинокую бабу из деревни для того, чтобы та присматривала и заботилась о девочке. У Агафьи не было ни мужа, ни детей, и оттого она очень привязалась к Груше и считала ее родной. Позже, когда девочка повзрослела, надобность в услугах Агафьи отпала, и княгиня решила отправить бабу обратно в деревню. Но Груша слезно вымолила у Марии Кирилловны позволение не отсылать любимую няню. Княгиня уступила просьбам Груши и оставила Агафью в усадьбе, назначив ее главной над дворовой челядью. Агафья жила в южном корпусе вместе с другими незамужними дворовыми девками. И все время благодарила Бога за то, что он послал ей Груню, которую она горячо любила и считала своим Ангелом-хранителем.

Груша, в свою очередь, обожала и почитала Агафью как мать, ибо свою матушку девушка совсем не знала.

– Не дело это в одном платье гулять, утром-то еще свежо. Смотри, застудишься, милая.

– Нянюшка, – улыбнулась ей Груша. – Я ведь уже не маленькая, а ты все меня опекаешь.

– А как же? – удивилась Агафья. – Люблю я тебя как доченьку, Грунюшка. Мне-то Бог не дал своих деток. Спасибо ему, хоть тебя сподобил понянькать. Ты опять, поди, на овраг ходила? – пожурла ее Агафья.

– Да, нянюшка. Там так красиво, аж дух захватывает.

– И как тебе не боязно одной гулять? Места там такие пустынные, лишь рыбаки бродят, да и то не всегда.

– Я и не боюсь вовсе, – ответила Груша. – Здесь же все свои, никто не тронет. К тому же Андрей Прохорович со мной по берегу прошелся.

– А чего это вдруг Андрей Прохорович с тобой гулять надумал? – спросила удивленно Агафья и внимательно посмотрела на Грушу. – Что, у него других дел нет? Посев на всех полях идет. Да и мельница, что в Губино вчера встала. Не понять мне, чего это он с тобой к реке ходит? Ты его звала, что ли, с собой?

– Нет, конечно. Он пришел, когда я уже была там, – смутилась Груша и под испытывающим взглядом Агафьи зарделась.

– Чего краснеешь-то? – спросила хитро Агафья. – Странно это все, дитяtko. Не понять мне.

– Ты знаешь, нянюшка, он мне цветы вот эти подарил, – пролепетала Груша и показала Агафье уже увядший букет.

– Неужели, – произнесла, опешив, Агафья. И, чуть помолчав, внимательно посмотрела на Грушу и добавила: – Отчего-то мне кажется, деточка, что неспроста управляющий у реки появился, да еще и цветы подарил, неужто нравишься ты ему?

– Что ты, нянюшка! – пролепетала испуганно и стыдливо Груша.

– А что, дело молодое, – кивнула Агафья. – Да и ты, вижу, прямо горишь вся лицом. Чувствую, что ты тоже равнодушна к Елагину.

– Ох, нянюшка, ты совсем засмутила меня, – тихо пролепетала Груша, опуская взор.

– Не думала, что у тебя секреты есть от меня, Грунюшка.

– Да нет секретов, – ответила ласково девушка и, посмотрев на свои руки, тихо прошептала: – Но в последнее время я вдруг стала за собой замечать, что постоянно ищу повод, чтобы повидаться с ним, спросить что-нибудь...

– Вот и я говорю, смущаешься ты так сильно, оттого что, поди, сама на него с лаской смотришь, ведь так? Неужто нравится он тебе?

– Нравится, нянюшка, ты верно заметила.

– Ох, – всплеснула руками Агафья и вперила напряженный взор в девушку. – И давно?

– Не знаю, это незаметно случилось. А нынче, как увидела его три дня назад, так все в душе затрепетало, – произнесла дрогнувшим голосом Груша и, устремив взгляд на Агафью, немедля наклонившись ближе к няне, выпалила ей на ухо: – Ты подскажи, милая нянюшка, как мне быть? Я не знаю, как вести себя с ним.

– И что ж ты думаешь, что уже влюблена в него?

– Да, – утвердительно сказала Груша. – Каждый раз смотрю на него и налюбоваться не могу. Такой он милый, такой пригожий. А глаза-то у него какие добрые и яркие, прямо в самую душу проникают, – добавила вдохновенно Груша.

– Согласна. Андрей Прохорович мужчина видный, – согласилась Агафья. – А не стар ли он для тебя, Грунюшка?

– Ему всего двадцать девять лет, нянюшка, я уж узнала, – начала оправдываться девушка. – Это просто борода и усы его старше делают. А лицо и глаза молодые.

– Груня, ты со своей красотой могла бы за кого-нибудь и получше замуж выйти, нежели за управляющего, – заметила с любовью Агафья. – Может, какой столичный дворянчик найдется? Да и увезет тебя из этой глуши?

– Я же крепостная, няня, – с отчаянием воскликнула Груша. – Кто из дворян посмотрит на меня подневольную?

– Ты не похожа на дворовую, Груша. Французский да итальянский языки знаешь, на пианинах играешь да читать-писать умеешь. Какая ж ты простая девка? Умений-то у тебя не меньше, чем у самой княжны Татьяны. А ежели какой богатый дворянчик истинно полюбит тебя, так и не посмотрит на то, что крепостная.

– Няня, только Андрей Прохорович мне по сердцу, – насупилась Груша. – Не нужен мне никто больше. Однако я не знаю, нравлюсь ли ему.

– Ну уж не знаешь, – хитро заметила Агафья, обнимая девушку за плечи, и ей на ухо вымолвила: – Ежели не по сердцу ему была бы, не стал бы Елагин гулять с тобой у реки, когда у него даже свободной минуты поесть нету. Сегодня опять без завтрака на фабрику уехал, ни свет ни заря. И к обеду, сказал, вряд ли вернется. Он в полях до позднего вечера пропадает.

– Вот было бы мне счастье, если бы выкупил он меня у господ. Я бы ему век верной женой была и любила бы его, – мечтательно сказала Груша.

– Хорошо, если так. Может, что и сладится у вас, – ласково сказала Агафья, погладив девушку по голове и, что-то вдруг вспомнив, проговорила: – Хотела тебя спросить, народу-то много будет на званом вечере у княжны?

– Наши уездные все дворяне и из соседних уездов, наверное.

– Ох, много-то как. Ладно, Грунюшка, надо мне идти уже, все спальни гостевые девкам велеть перемыть да проветрить, – заколыхалась суматошно Агафья. – Вдруг кто из гостей пожелает остаться на ночь?

Глава VI. Незнакомка

Пятого мая в среду, в день, когда Урусовы устраивали званый прием, Груша решила после ранней трапезы немного покататься верхом. Княжна Татьяна с самого утра пребывала в подавленном настроении из-за того, что у нее, по ее мнению, не было на вечер нужного платья. Сперва Урусова отчитала свою горничную, так как дворовая девица не теми травами вымыла ее волосы, а затем за завтраком ворчала, что будет выглядеть как пугало в том платье, которое еще неделю назад решила надеть на вечер. Даже замечание Груши о том, что новое летнее платье княжны из тончайшего тюля очень эффектно и изысканно, не убедило Татьяну. В ответ княжна холодно заявила девушке, что та совсем не разбирается в нарядах и ужасно отстала от веяний моды в этом захолустье. Груша не обиделась на замечание княжны, так как была привычна к перепадам настроения Татьяны. Чтобы не маячить перед носом ворчащей княжны и еще более не раздражать, девушка спросила разрешения удалиться.

К десяти Груша была готова. Она надела свою единственную кобальтого цвета амазонку и связала плотной лентой на затылке хвост. Не надев шляпку, она вышла из дворца и устремилась к конюшням. Едва вошла внутрь, как нечаянно столкнулась нос к носу с Елагиным, который откуда-то приехал и препоручил своего жеребца конюху. Он был, как и обычно, одет в темные брюки, черный сюртук и короткие кожаные сапоги. Невольно обернувшись на вошедшего, Андрей вперил пронзительный взор в Грушу. Она приблизилась к нему и поздоровалась. Молодые люди не виделись почти два дня, так как вчера Елагин ездил в Москву по поручению княжны.

Андрей сглотнул комок в горле, едва завидев девушку, и тоже тихо поздоровался с ней. Груша вежливо попросила конюха Степана приготовить ей лошадь, ту, на которой она обычно ездила верхом. Едва конюх скрылся в нужном стойле, она обратила взор на Елагина, который словно замер в трех шагах и, похоже, не собирался уходить.

– Вы все решили с этим несчастным? – спросила участливо девушка. Андрей медленно кивнул, не спуская с нее страстного взора.

– Похоронят его завтра, как и положено, – хмуро заметил Елагин и приблизился ближе к девушке. – Верхом одна поедите? – спросил он вдруг. И Груша подняла на него глаза.

– Да. У княжны нет настроения кататься сегодня. Она к вечеру готовится, – объяснила она.

– Осторожнее будьте, далеко не уезжайте от усадьбы, – заботливо заметил молодой человек.

– Хорошо, – кивнула Груша.

– А мне еще надо проверить, как мужики двор убрали да подмели, чтобы перед гостями сегодня не опозориться, – произнес как-то печально Елагин. – А потом опять на пашню ехать надобно, наверное, до вечера. А то вчера весь день потерял из-за тех поручений, что Татьяна Николаевна дала. Хотелось бы мне с вами теперь поехать, но не могу никак.

– Я понимаю, Андрей Прохорович, у вас много дел, – кивнула Груша и улыбнулась.

– Возможно, в другой раз, – тяжело вздыхая, произнес Андрей, ощущая, что его сердце прямо рвется поехать с девушкой и уже там, наедине, вновь попытаться признаться ей в своих чувствах.

В этот момент появился Степан с оседланной пегой кобылой. Он подвел лошадь к девушке, и та, уже взявшись за уздечку, хотела взобраться в седло, но тут рядом с нею оказался Андрей и властно предложил:

– Позвольте мне, Грушенька...

Елагин быстро сложил ладони в перчатках в замок и чуть склонился. Грушенька поняла, что молодой человек подставляет ей руки, чтобы она оперлась на них ногой вместо стремени.

Она знала, что так иногда делают, но это бывало, когда деревенские ездили без седла, у нее же были стремена. Однако Елагин так пронзительно моляще смотрел на нее, так и держа руки у коня, что Груша не посмела отказаться от его помощи. Она проворно чуть задрала юбку амазонки и, заметив, что молодой человек еще сильнее склонился, чтобы ей было удобнее, подняла ногу и легко оперлась ботиночком на его широкие сложенные ладони. Молодой человек приподнялся и почти без напряжения поднял ее вверх. Груша проворно уселась в седло, ощущая, что такой способ, хоть и довольно странный, но невероятно удобный, так как руки Елагина на полметра подняли ее вверх. Амазонка Грушеньки была хитро сшита. И, несмотря на то, девушка сидела по-мужски, разрезы позволяли ей не задирать юбку. Нижняя более темная материя, что была пришита по разрезам, закрывала ноги от посторонних взглядов. Лишь темные ботиночки были хорошо видны.

– Благодарю, – произнесла Груша, обратив на Андрея ласковый взор.

Девушка натянула поводья, и Елагин умело и по-свойски поправил перевернутую сбрую на ее лошади. Погладив светлую кобылу по гриве, он перевел взгляд на сидящую верхом Грушу.

– Вы хорошо смотрите в седле, Грушенька, словно искусная наездница, – произнес Елагин грудным голосом и вновь тяжело вдохнул, думая о том, что желание поехать вместе с девушкой увеличивается с каждой минутой.

Груша улыбнулась ему и Андрей, понимая, что уже просто неприлично стоять рядом, чуть отошел от ее лошади, прекрасно видя взгляд опешившего Степана, стоявшего напротив. Девушка прищипорила ногами пегую кобылу и, обернувшись к конюху, заметила:

– Благодарю вас, Степан Алексеевич.

– Всегда пожалуйста, Аграфена Сергеевна, – кивнул тот по-доброму.

Уже через миг Груша выехала из конюшни, а конюх перевел пораженный взор на Елагина.

– Ба, Андрей! – выдохнул удивленно Степан, который был другом Елагина и одним из немногих мужиков в поместье, кто был вольным. Часто они допоздна засиживались у костра и разговаривали по душам. – И давно ты свои ладони под ее ножки подставляешь?

Недовольно зыркнув на друга, Елагин нахмурился и глухо заметил:

– Не твое дело.

– Не мое, конечно. Но, видать, зацепила тебя девка, раз ведешь себя как влюбленный павлин. И словцо ласковое ей сказал, и руки подставил, и вообще смотришь на нее уж больно жадно...

– Слушай, Степан Алексеевич, – заметил уже раздраженно, но совершенно беззлобно Елагин. На конюха Андрей никогда не сердился, ибо воспринимал его именно как друга. Потому Степану было много чего позволено говорить Елагину. – Занимайся своими делами, пожалуйста.

Андрей быстро вышел из конюшни, стараясь не замечать хитрой улыбки друга, который смотрел ему вслед.

Несколько часов к ряду Грушенька провела в березовой роще, у дальней излучины реки, любуясь с высокого холма бурлящей водой и бегущими по небу облаками. Она обожала Нару, реку, которую знала с самого детства. Груше казалось, что это живое существо, которое своей водной энергией, природной силой может прогнать гнетущие мысли и вернуть гармонию во взбудораженную душу человека. Потому девушка часто уединялась непременно у реки, чтобы побыть в одиночестве и подумать о настоящем, помечтать о будущем. Сегодня она грезилась о Елагине. Он казался ей таким мужественным, взрослым, немного непонятным и невероятно притягательным. Именно в последние дни Грушенька почувствовала, что от молодого человека стала исходить какая-то страстная напряженная сила, направленная непосредственно на нее. Тот разговор у реки пару дней назад, сегодняшней его жест на конюшне наводили на мысли о том, что, может быть, в скором времени Андрей сможет полюбить ее так же горячо, как она его.

Ближе к полудню Груша, немного замечтавшись и едва опомнившись, проворно взобралась на свою пегую кобылу и направила лошадь в сторону усадьбы. Она проскакала почти десять верст и невольно достигла полей, где крестьяне сеяли пшеницу. Отчего-то сердце девушки сильно забилося от осознания того, что, возможно, где-то поблизости может находиться Елагин. Все же он собирался осматривать пашни. Солнце нещадно палило, но Груша, пребывая в своих мечтательных думах о молодом человеке, не замечала палящего зноя и проскакала еще несколько кругов вокруг полей, то и дело оглядываясь и ища глазами широкоплечую фигуру Андрея верхом на караковом жеребце. Но его не было видно.

Девушка вновь пришпорила лошадь и решила проехать до дальней пашни, думая, что молодой человек может быть там. Время давило, поскольку она знала, что княжна наверняка потеряла ее. Оттого она пустила кобылу в галоп. Неожиданно Груша ощутила, как натяжение с ее волос пропало, а длинные прямые пряди рассыпались по плечам. Резко осадив кобылу, Груша стремительно запустила руку в волосы. Так и есть, видимо, от резких движений и ветра, который уже давно трепал ее локоны, лента, удерживающая их в тугом хвосте, порвалась и спала. Груша проворно опустила глаза на траву, пытаясь найти взглядом светлую порванную полоску. Но выросшая трава скрывала все зеленым густым покрывалом. Поняв, что ленту ей уже не найти, девушка опечалилась. Волосы так и лежали густой светлой копной на ее плечах и спине, и Груша с прискорбием осознала, что она не может в таком виде, совсем непричесанная, показаться на глаза Елагину. И вообще кому бы то ни было показаться, ибо это было неприлично. Дворянки убирали волосы в затейливые прически, деревенские девки в косы, а крепостные бабы под платки. Понимая, что надо немедленно ехать обратно в усадьбу, Груша, тяжело вздыхая, направила лошадь к дому.

Проехав большую часть пути по лесистой местности, чтобы не попадаться на глаза посторонним, Груша все же решила вывернуть на дорогу, чтобы кобыле, которая и так сильно устала, было легче. Широкая проселочная дорога, тянущаяся на многие версты вперед, была пустынна. И девушка, преодолев по ней около двух верст, направила лошадь на нужную развилку, где дорога сворачивала к усадьбе. Обогнув небольшой пролесок, Груша галопом вылетела за поворот, и перед ее взором предстала странная картина.

Чуть впереди последи широкой колеи находился легкий экипаж с четверкой лошадей. Коляска была чуть наклонена и стояла на деревянных подпорках-бревнах. Пара мужиков, наверное, извозчиков или слуг, пытались надеть на ось колесо. Рядом с коляской спиной к ней возвышалась статная фигура мужчины в дорогом светлом сюртуке, шоколадного цвета брюках и коротких сапогах. Груша поняла, что с коляски слетело колесо, что было неудивительно на ухабистых дорогах. Не снижая темпа, она направила свою пегую кобылу прямо к экипажу, решив узнать, нужна ли помощь.

Уже через пару минут девушка стремительно приблизилась к мужчинам. Она отметила, как высокий господин, явно дворянин, который стоял к ней спиной, широко расставив ноги и следя за тем, как мужики возятся с колесом, медленно обернулся в ее сторону, видимо, слышав топот лошади. Груша непроизвольно осадил кобылу, чуть сбавив темп, и приблизилась. Незнакомец – дворянин, – едва обернувшись, вперился удивленным взглядом во всадницу, которая остановилась в десятке метров от него.

Девушке отчего-то почудилось, что она уже где-то видела этого господина. Он имел чуть выющиеся густые светлые волосы, собранные в хвост на затылке, волевое красивое лицо с гладко выбритым подбородком, на четко очерченных чувственных губах играла надменная ухмылка. Он был высок, широкоплеч и поджар и выглядел очень эффектно в своем светлом сюртуке. Вся его расслабленная, вальяжная поза словно говорила, что мужчина привык к почтанию и явно знает себе цену. Груша невольно пробежалась по нему беглым взглядом. Он был уже немолод, лет тридцати пяти или около того. Однако бросалось в глаза, что он весьма следит за собой и явно пользуется успехом у женщин.

– Добрый день, вам нужна помощь, сударь? – воскликнула Грушенька, поравнявшись с мужчиной и остановив кобылу в пяти шагах от незнакомца в светлом сюртуке.

В первую минуту опешив от неожиданного появления девушки верхом на цветной лошади, Урусов опустил руку с сигарой. Когда же светловолосая незнакомка в синей амазонке стремительно приблизилась, он замер и вперил удивленный изучающий взор в легкую всадницу, которая пыталась придержать кобылу. Его пытливый взгляд остановился на невысокой стройной фигурке девушки. Юная, невозможно изящная незнакомка могла похвастаться прекрасным лицом с большими яркими глазами. Отчего-то ее волосы, светлые, медового светлого оттенка, свободно прямыми густыми прядями лежали по ее плечам, красиво обрамляя ее округлое нежное лицо. Она умело придерживала кобылу и как-то пронзительно по-доброму смотрела прямо на него.

Константин отчетливо услышал ее вопрос, но от первого удивления лишь спустя минуту пришел в себя и выдохнул:

– Я не думаю, что вы можете помочь, сударыня...

– Отчего же? – спросила Груша, непроизвольным движением руки откинув за спину непослушную прядь, которая упала на лицо. – Я могла бы попросить приехать кого-нибудь из усадьбы, чтобы помочь вам.

Урусов, растерявшийся и околдованный, непроизвольно проследил за движением тонкой руки девушки, когда она оправила светлый блестящий на солнце локон. Мужчина вновь пронзительно посмотрел на ее лицо, гадая, сколько же ей лет. Шестнадцать? Семнадцать? Девушка выглядела так чудесно, молодо, свежо и нежно, что Урусов осознал, что непременно хочет узнать ее имя.

Груша отметила, что мужчина, не отрываясь, настойчиво рассматривает ее, и ей стало не по себе.

– Вы далеко едете? – спросила она вежливо, зардевшись под его пытливым взором. Она перевела взгляд на мужиков, которые никак не могли надеть колесо на ось.

– Нет. До ближайшей усадьбы. Князь Константин Николаевич Урусов, к вашим услугам, – услышала она приятный голос мужчины. После его слов Груша бросила на него быстрый взгляд и поняла, отчего его лицо показалось ей знакомым. Конечно же, это был брат Татьяны, которого она видела пару раз двенадцать лет назад и который в данное время возвращался из-за границы.

– И все же позвольте, я пришлю вам помощь. Я как раз еду в Никольское, – предложила Груша, понимая, что могла бы за короткое время доскакать до усадьбы и попросить, чтобы за князем приехала другая коляска.

– Я думаю, мы сами справимся, – безапелляционно заметил Урусов и вновь спросил: – Позвольте узнать, как ваше имя, сударыня?

Груша напряглась. Она отчего-то не знала, что ответить. Да и что она должна была сказать? Что ее зовут Груша, и она крепостная в его имении? Это было глупо, по ее мнению, потому что крепостные не разъезжали верхом в дорогих платьях. Понимая, что, едва князь приедет в усадьбу, он и сам узнает, кто она, Груша лишь отметила немигающий и какой-то странный взор Урусова и тихо произнесла:

– Это неважно. Если вам не нужна помощь, извините меня.

Она быстро пришпорила лошадь и, натянув вожжи, стремительно понеслась дальше по дороге, поднимая пыль.

Словно зачарованный, Константин проследил долгим настойчивым взглядом за удаляющейся всадницей, отмечая, как светлый поток ее длинных волос развеивается по ветру за ее изящным станом. Когда девушка скрылась за поворотом, Урусов помрачнел. И вдруг невольно дернул рукой, отметив, что сигара начала обжигать пальцы, почти полностью сгорев, пока он

говорил с девушкой. Тихо выругавшись, он стремительно бросил сигару на землю и затушил носком сапога.

– Ну, и долго вы будете возиться с колесом?! – произнес Урусов гневно, обращаясь к мужикам.

– Дак тяжелое оно сил нет, ваше сиятельство, – промямлил извозчик.

Стремительно приблизившись к мужикам, Константин буркнул:

– А ну, отойдите!

Мужики посторонились. И Урусов, чуть присев, обхватил сильными руками колесо и, с легкостью приподняв, умело приставил его к нужному месту на направляющей оси. Проворно сажая колесо на железную палку, Константин думал только о том, что надо немедленно ехать в усадьбу и непременно расспросить о девушке, которая так поразила его своей юностью и прелестью.

Глава VII. Званный вечер

Уже через четверть часа Грушенька стремительно въехала на территорию усадьбы. Остановив кобылу у конюшен, она передала поводья одному из конюхов и устремила в дом, полагая, что уже три часа пополудни. Гости в поместье были приглашены к семи. И в ее распоряжении оставалось всего несколько часов, чтобы к вечеру привести себя в порядок. В парадной она столкнулась с княжной Татьяной, которая, уже причесанная, в невероятно красивом платье из розового тюля, весьма кокетливо смотрелась на мраморной лестнице. Увидев Грушу – простоволосую, в запыленном синем платье для верховой езды, – Татьяна остановилась. Когда девушка поравнялась с нею, княжна, презрительно и зло окинув Грушу взглядом, процедила:

– И где ты шатаешься? Посмотри, в каком ты виде. Грязная и лохматая, страх один!

– Простите, Татьяна Николаевна. Я что-то правда загулялась, – извиняясь, заметила Груша.

– И когда же ты успеешь привести себя в порядок? Всего два с небольшим часа осталось!

– Я успею, не беспокойтесь, – сказала Груша и, обойдя княжну, устремила вверх по лестнице.

– Надеюсь на это! – бросила ей вслед недовольно Татьяна.

Уже наверху Груша вдруг обернулась и, как будто что-то вспомнив, громко сказала:

– Ваш братец, Константин Николаевич, сюда следует. Сейчас на дороге его встретила.

– Константин? – опешила княжна, пораженно уставившись на девушку.

– Да. У его коляски колесо слетело. Мужики как раз с ним возятся. Так, наверное, уже скоро сюда приедет.

– Вот новость-то! – воскликнула Татьяна обрадовано. – И хорошо, что он приехал. Прямо к нашему званому ужину.

Но Груша уже не слышала слов княжны, ибо стремительно шла в свою комнату. Достигнув ее спустя минуту, девушка захлопнула за собой дверь. Быстро скинув с себя амазонку, Груша устремила в ванную комнату и проверила, есть ли в большой чугунной бочке вода. Воды было вдоволь. Девушка, понимая, что греть воду долго и для этого придется звать дворовых девушек, у которых и так в связи с грандиозным приемом уйма работы, решила, что помоемся и под прохладной водой. Она проворно ополоснула голову два раза с мягким мылом, морщась от прохлады воды, а затем окатила тело. Уже через четверть часа она вышла из ванной комнаты, вытирая на ходу влажные волосы. Набросив простой легкий пеньюар, она начала выбирать платье для вечернего праздника.

Гардероб Груши был невелик и состоял всего из дюжины нарядов. В нем имелось лишь два вечерних платья. Одно – сильно открытое голубое, а второе – молочно-белое с округлым вырезом, обнажающим лишь верх груди. Именно на нем она и остановила выбор. Достав платье из шкафа и, положив его на край кровати, Груша принялась искать подходящие чулки. Уже вскоре, полностью подобрав наряд, девушка присела на кресло. Поджав ноги и свернувшись калачиком, она расправила волосы по спине, чтобы они сохли, и решила немного отдохнуть. Не заметив, как глаза устало закрылись, она невольно опустила голову на спинку сиденья и крепко уснула.

Проснувшись Груша уже к вечеру и, едва распахнув глаза, заметила, что солнце уже садится. Метнув взор на часы, девушка отметила, что уже более шести. Вскочив на ноги, она устремила к комоду, на ходу потрогав волосы и ощутив, что они высохли. Быстро одев приготовленный наряд, девушка села за туалетный столик и начала расчесывать длинные светлые локоны. Зная, что теперь без завивки не сможет сделать ни одну изысканную прическу, Груша решила просто собрать волосы в хвост, как и с утра, лишь перевязать его жемчужными

лентами. Так она и сделала. Однако, видя, что длинная густая копна волос, спускающаяся на спину, красиво отсвечивает в свете свечей, Груша решила, что надо и сверху украсить волосы жемчугом. С одного боку она так же закрепила пару тончайших ниточек и убрала концы под толстый хвост. Довольная прической, которую выдумала по ходу, она чуть подкрасила губы бесцветным бальзамом и встала.

Часы пробыли семь. Княжна наверняка сердилась оттого, что она все еще не спустилась. Девушка мгновенно оправила оборки платья на высокой груди и устремилась прочь из спальни. Едва она вышла из комнаты, как невольно прищурилась от яркого света, который давали множество свечей в коридорах и на лестницах. Видимо, по приказу княжны дворовые зажгли все имеющиеся канделябры. Груша устремилась к лестнице, видя, как княжна уже стоит внизу, встречая первых гостей. Девушка приблизилась к Урусовой и извинилась. Татьяна окинула ее оценивающим взглядом и холодно велела:

– Иди пока в залу. Ты понадобишься только через час.

Груша понятиливо кивнула и направилась в золотую гостиную. Там она села на небольшое канапе и, вздохнув, принялась ждать. Спустя час, после обильного фуршета, что был накрыт в парадной столовой, княжна вместе с несколькими десятками гостей наконец появилась в огромной гостиной. Едва заметив входящую нарядно одетую помпезную публику, Груша проворно встала и окинула взглядом вошедших дворян. Здесь были и знакомые ей люди, и незнакомые. Княжна начала весело щебетать, следя за тем, как рассаживаются гости на заранее подготовленные места: на диванчики, стулья и кресла. Груша отметила, что среди вошедших нет князя Урусова, которого она повстречала чуть ранее на дороге и подумала, что Урусов наверняка устал и потому решил не посещать званый вечер, устраиваемый сестрой.

В этом году весна наступила раньше положенных сроков, и уже с начала мая стояла невозможная жара. В золотой зале было душно от множества приглашенного народа, и слуги настежь открыли окна по правую сторону залы. Окна этой гостиной выходили прямо на обширный тенистый сад. Вечерние запахи едва распустившихся цветов яблонь наполнили легким приятным ароматом всю комнату.

Вечер открыла Татьяна, своим искусным исполнением на рояле одного из популярных произведений Штрауса «Вальса голубок». А затем продолжила аккомпанировать Груше, которая начала исполнять первые строки романса. Хотя девушка могла играть сама, но княжна, не обладающая должным слухом и голосом, все же пыталась показать свое умение хотя бы в искусной игре на рояле. Оттого она велела Груше стоять и петь.

Прошло более часа от начала концерта, и княжна взяла первые аккорды седьмого романса. Груша стояла боком к открытому окну, и весенняя прохлада освежала ее разгоряченное лицо. Она очень волновалась, так как все взоры изысканной публики были устремлены на нее. Лишь однажды Груша пела перед посторонними. Это было еще два года назад, при покойной Марии Кирилловне, которая считала, что у девушки чудесный хрустальный голосок. Покойная княгиня очень любила слушать ее пение. И в эту минуту Груша, вовсе позабыв о голоде, ибо с утра она ничего не ела, старалась не сбиться с нот и не показать своего волнения. Пропустив нужное количество тактов, она с чувством запела:

В час роковой, когда встретил тебя,
Трепетно сердце забилось в груди.
Страстно, безумно тебя люблю,
Весь я горю, как в огне.

Сколько счастья, сколько муки
Ты, любовь, несёшь с собой,
Час свиданья, час разлуки -

Дышит все тобой одной.

Андрей стоял в саду, среди яблонь, подпирая мощным плечом ствол дерева. Его глаза были устремлены на девушку, стоявшую у открытого окна у рояля, мелодичный голос которой завораживал его. Любуясь стройным станом Груши в светлом платье, ее кокетливым поворотом головы, молодой человек стоял, замерев, скрытый ветвистыми ветвями яблони, не в силах отвести взор от чудесного лика девушки. Она, естественно, не замечала его, хотя он находился всего в двадцати шагах от окна в темноте и отчетливо видел, как она волнуется. Ее приятный, соблазнительный, сладкий голос ласкал слух Елагина, и его сердце трепетало. Он ощущал, что невероятно хочет оказаться там, в этой зале, среди гостей. Подойти к ней, поцеловать ручку и сказать, как она хороша в этот миг. Но не мог. Он был всего лишь управляющим в имении князей, а не гостем Урусовых. И в настоящее время Андрей не мог, как когда-то давно, браво выхаживать в парадном мундире и поражать дам статью. Понуро опустив плечи, Елагин так и стоял недвижимый, словно изваяние, не спуская страстного взора с Груши. А она продолжала петь цыганский романс:

Снятся мне милые глазки твои,
Чудный твой стан и твоя красота.
Вся создана ты для знойной любви,
Вся ты любовь, вся мечта!

Сколько счастья, сколько муки
Ты, любовь, несёшь с собой,
Час свиданья, час разлуки -
Дышит все тобой одной.

Резвою птичкой, воздушна, как тень,
В вальсе беспечно носишься ты.
Мне же назавтра тоска целый день,
Ночью – все те же мечты!

Приятный голос девушки будил в душе Елагина темные страсти. Он мучительно думал о том, что надо как можно скорее вывести Грушу на откровенный разговор и признаться ей в своей любви. Поскольку терпеть эту неопределенность и молчать о своей страсти не было сил.

Закончив романс, Груша поклонилась гостям, которые заплотировали ей. И уже через пару минут запела вновь, уже более трогательную песню о девушке, которую насильно выдавали замуж:

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

Еще с верхних ступеней лестницы Урусов слышал чудесное пение. Привычным движением оправив парадный ментик, князь проворно спустился вниз по широкой лестнице и направился в сторону гостиной, откуда доносился пленительный голос:

На ней было белое платье,
Венок был приколот из роз,

Она на святое распятие
Смотрела сквозь радугу слез.

Когда Константин вошел в распахнутые двери помпезной большой гостиной, он устремил взор на девушку, стоявшую у рояля. Белоснежное легкое кружевное платье на сладкоголосой певице как воздушное облако окутывало ее стройную фигурку. Изящные руки, высокая грудь, невозможно тонкая талия, округлые бедра и светло-медовые волосы, собранные сзади и спадающие густым потоком на ее спину, слились для опешившего князя в образ совершенства. Лицо юной певицы было до того восхитительным, что могло бы принадлежать только неземной чудесной фее.

Ошеломленный, изумленный Урусов застыл у входа, отчетливо осознавая, что это та самая девушка, которая так поразила его на пыльной дороге. Нынче он знал ее имя. Ведь едва он приехал в усадьбу и задал вопрос первому попавшемуся конюху, как услышал в ответ:

– Говорите, больно красивая да молоденькая, да еще и верхом, ваше сиятельство?

– Да, – тогда кивнул Урусов и глухо добавил: – Со светлыми волосами и в синей амазонке...

– Ну, это Аграфена Сергеевна. При вашей сестрице компаньонкой состоит, – ответил конюх.

– При моей сестре? – опешил Константин.

– Крепостная девка, которую матушка ваша покойная на воспитание взяла, – объяснил конюх.

– Так это Грушенька! – тут же осенило Урусова, и в его воспоминаниях появился образ шестилетней светловолосой малышки, которая играла с его сестрой в куклы. – Вот бы никогда не подумал, что она станет такой...

И теперь не в силах отвести завороженного взгляда от светловолосой прелестницы, которая вдохновенно пела, князь ощущал, что еще никогда ему не доводилось встречать подобную красавицу, хотя за свою бурную жизнь он повидал множество хорошеньких девиц и красивых женщин. А в этот миг завораживающий сладкий голос Груши разливался по ярко освещенной золотой зале:

Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она.

Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо,
Из глаз ее горькие слезы
Ручьем потекли на лицо.

Я слышал, в толпе говорили:
"Жених неприглядный такой,
Напрасно девицу сгубили".
И вышел я вслед за толпой.

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

Груша пропела последнюю строку и перевела взор на мужчину в алой военной форме гусара, который замер у входа в гостиную. Крайние гости тоже заметили Урусова и сразу же по зале понеслись взволнованные реплики.

– Князь! Князь Константин! – пронесся быстрый шепот, и Татьяна, заслышав взволнованные голоса гостей, резко прервала игру.

Обернувшись, она заметила брата, вошедшего в залу.

Великолепная гусарская форма: красный доломан с золотыми галунами, ментик того же цвета и ярко-голубые рейтузы, – красиво подчеркивала статную, высокую, эффектную фигуру молодого князя. Модно уложенные светло-русые волосы, большие серо-голубые глаза, высокий лоб, крупные изысканные черты красивого породистого лица венчали его облик. Хищный высокомерный взор и надменно сжатые чувственные губы выдавали в нем человека властного, жесткого и одновременно страстного. Бесконечные романы, которые тянулись за князем ярким разноцветным веером, испортили его некогда наивную и чистую сущность и превратили в развратного циничного вельможу.

Константину Николаевичу Урусову было тридцать девять лет, последние двенадцать из которых он провел за границей. Еще в шестнадцатилетнем возрасте он поступил на учебу в Пражский корпус, из которого был выпущен 1838 году и зачислен в гусарский лейб-гвардии полк, куда принимали дворян славянской внешности, красивой наружности и высокого роста. Девятнадцатилетний Константин жаждал проявить себя на военном поприще, думая, что война – это лучшее средство завоевать почет и славу в обществе.

В 1839 году он был отправлен на службу на Кавказ, где в первые два года отличился храбростью и получил две награды: орден святой Анны третьей степени и золотое оружие «За храбрость». После его перевели в Крым, где он также с честью служил до 1846 года. В том же году вышел в отставку, уже устав от кровавой резни под названием война.

В тот же год, испросив разрешения у отца, молодой князь решил немного пожить за границей, горя желанием получить от жизни всевозможные удовольствия. Пока делами занимался его отец, Константин вел беззаботную роскошную жизнь, не думая о завтрашнем дне. Он переезжал с места на место, путешествуя по европейским странам. Селился в шумных городах, легко заводил новых знакомых и терпел возле себя всевозможных прихлебателей. Он постоянно менял место проживания, города и страны, также много веселился и балагурил, устраивал большие попойки с новоиспеченными друзьями, участвовал в дуэлях и непременно в каждом местечке заводил ни к чему не обязывающую интрижку с местными красотками из дворянок.

Дамы и девицы падали к его ногам постоянно, очарованные его статью, красотой, напором и деньгами. И молодому богатому князю не составляло труда завоевать очередную жертву для нового кратковременного сладострастного романа. В основном в его сети попадались молоденькие вдовы, жеманницы со старыми мужьями или потасканные красотки в возрасте, которые некогда блистали. То есть те женщины, которые сами управляли своей судьбой и жизнью. Молоденькие девицы на выданье, чистые и невинные, хотя и влюблялись в него, но были для Урусова запретными, потому что их хорошо охраняли отцы, женихи или братья. И Урусов знал, что, если соблазнит хотя бы одну такую невинную девушку-дворянку, ему непременно придется жениться на ней. А это было недопустимо для князя, так как свою свободу он ценил превыше всего. Поэтому совсем юных особ избегал как огня, предпочитая общество уже умелых во всех отношениях красивых дам.

В настоящее время дела требовали его присутствия в России, и он был вынужден оставить шумную Европу и вернуться на родину.

Глава VIII. Князь

– Константин! – воскликнула Татьяна и, сорвавшись с места, устремилась к брату, обрадовавшись тому, что он все же решил спуститься к гостям, хотя первоначально не хотел этого делать.

Тут же в зале поднялся невообразимый шум. Гости повскакивали со своих мест. Мужчины стали приветствовать вошедшего князя и жать ему руку. Женщины в мгновение ока окружили его плотным кольцом, кокетливо обмахиваясь легкими веерами и непрерывно задавая глупые вопросы о зарубежных странах.

Позабыв о концерте и о девушке, которая одиноко стояла у рояля, гости с трепетом и волнением приветствовали князя и весело болтали. Вдохнув, Груша медленно отошла к открытому окну, и выглянула в сад. Неожиданно ее глаза наткнулись на высокую темную фигуру мужчины, стоявшего у одной из яблонь во мраке сада. Она сразу узнала его, отметив, что Елагин смотрит на нее. Мгновенно смутившись, девушка резко отпрянула от окна и отвернулась.

В некоем волнении Груша устремилась обратно к роялю и, схватив ноты, сделала вид, что ищет нужную страницу. Однако мысль о том, что Андрей уже давно стоит под яблоней и следит за нею, словно набат, билась в ее голове. Руки девушки задрожали, и она не в силах сосредоточиться поставила ноты обратно на рояль. Спустя пару минут она вновь подошла к окну, но у яблони уже никого не было. Андрей исчез.

Чуть ранее Груша слышала, как княжна Татьяна пригласила всех гостей пить чай в столовую. Оттого девушка облегчено вздохнула, решив, что сможет хоть немного отдохнуть от непрерывного пения. Так и замерев у раскрытого окна и всматриваясь в темноту, Груша хотела, чтобы Андрей вернулся и она уже точно могла удостовериться, что он ей не привиделся.

Константин едва вырвался из этого докучливого, любопытного общества. Его спасла Татьяна, которая пригласила всех пить чай в розовую столовую. Гости, что-то с интересом обсуждая, направились за княжной в соседнюю комнату. Князь же наконец умело остался один в зале и быстро обернулся. Видя, что Груша стоит у открытого окна и как будто что-то рассматривает во мраке ночи, Урусов тихо приблизился к девушке и остановился за ее спиной. Ее светлая головка с высоким длинным хвостом, который спускался на стройную спину, привлекла его внимание. Густой длинный поток светло-медовых волос, украшенный жемчужными нитями, вызвал в Урусове странное желание – зарыться ладонями в эти живые шелковистые пряди и насладиться их мягкостью. Груша не была причесана как все женщины в зале. Ни завитых локонов, ни высоко поднятых вверх волос не было и в помине. Но Константину ее простая прическа показалась такой девичьей и естественной, что он непроизвольно сглотнул, ощущая, как руки задрожали от возбуждения.

Хмурясь и пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте сада, Груша не сразу ощутила, что не одна. В какой-то момент она почувствовала чье-то присутствие за спиной. Девушка резко обернулась и похолодела. Князь Урусов, выпрямив плечи, замер перед нею всего в нескольких шагах и темным взором смотрел прямо в ее лицо, как-то напряженно и невозможно дерзко.

Когда она обернулась и испуганно вперила в него огромные озера глаз, Урусов чуть прищурился, чувствуя, как яркий фиолетовый поток ее взора бьет его своим светом. В его горле вмиг пересохло, и Константин отметил, что глаза у нее явно колдовские. Они имели густой насыщенный фиолетовый цвет и сейчас сверкали подобно драгоценным камням. Бархатные густые и темные ресницы выразительно обрамляли чудесные очи девушки, и Урусов подумал, что не может быть обычная девушка так хороша. Там, на дороге, ему удалось лишь мельком разглядеть ее. Здесь же, при свете свечей, так близко он очень хорошо видел ее румяное, прелестное лицо и пухлые губы соблазнительной формы.

Не понимая, отчего Урусов молчит и неотрывно смотрит на нее, Груша смутилась и опустила глаза. Однако князь сделал шаг к ней, и она отметила его голубые рейтузы и темные легкие сапоги в опасной близости от подола своего платья. Урусов поднял руку и очень осторожно, обхватив пальцами подбородок девушки, заставил ее поднять лицо. Груша вынужденно вновь взглянула на него снизу вверх и отметила, что князь довольно высок и широкоплеч, ибо она едва доставала носом до его плеча, на котором висел алый ментик.

Видя, что девушка вновь устремила на него свои чудесные фиолетовые глаза, Константин очень тихо вымолвил:

– Почему вы так стремительно ускакали и даже не назвали своего имени, сударыня?

– Вы же его знаете теперь, – пролепетала тихо Груша, ощущая себя не в своей тарелке от его близости. У нее возникло сильное желание немедленно убежать из этой гостиной и от этого опасного человека.

– Знаю... – выдохнул он одними губами, и Груша в ужасе отметила, что на лице князя отразилась целая гамма чувств: восхищение, радость, алчность, упоение, страсть. Он начал склоняться над нею, очень медленно, но неумолимо, и девушка окончательно опешила от его поведения.

– Константин! – раздался вдруг звонкий неприятный голос Татьяны за его спиной. Урусов, словно пойманный с поличным, без промедления отпустил подбородок Груши и, чуть отодвинувшись от девушки, обернулся к сестре. – Пойдем! Все жаждут с тобой поговорить, – продолжала Татьяна, подойдя к брату, схватила его за локоть и потащила к выходу из залы.

Урусов лишь на миг обернулся в сторону Груши, стоявшей у окна, желая удостовериться в том, что она не плод его воображения, а затем последовал с сестрой в парадную столовую.

Когда Урусовы вышли из гостиной, Груша с облегчением выдохнула. Она не понимала, отчего нынче князь повел себя так, но отчетливо осознавала, что ей неприятно его внимание. Да, она должна была признать, что Урусов невозможно красив и статен, но она так же видела, что красота князя холодная, надменная. Его вызывающая поза, весь его вид как будто говорил – я неповторим, уникален и богат, и все должны непременно склоняться передо мной. Неприятное чувство от его недавней близости и даже некоторая гадливость в одночасье овладели Грушей, и она ощутила безумное желание оказаться в саду, там, где еще четверть часа назад стоял Елагин.

Понимая, что в ближайшие полчаса не понадобится княжне, она подхватила юбки и устремилась прочь из дома. Она проворно выбежала на крыльцо и, спустившись по мраморным ступенькам, быстро пошла по дорожке в сторону сада. Достигла первых яблонь уже через пару минут и чуть замедлила шаг. Здесь царил мрак, и она с трудом различала высокие, широкие силуэты цветущих деревьев. Груша обошла яблони, но Елагина нигде не было видно.

Неясный шорох раздался за ее спиной и Груша обернулась. Лишь на мгновение выхватила взглядом высокий темный силуэт мужчины, который стремительно приблизился к ней, и в следующий миг девушка оказалась в сильных объятиях молодого человека. Рука Андрея властно сжала ее затылок, приподнимая ее голову, а вторая обвила ее талию.

Уже через мгновение его горячие властные губы завладели ее ртом. Груша опешила, распахнув в испуге глаза. Елагин же, склонившись над нею, неумолимо притягивал ее голову сильной рукой к своему лицу. При этом он крепко сжимал ее стан и, не давая девушке отстраниться, страстно и неистово целовал ее губы. Спустя пару минут молодой человек отпустил ее и впился взором в глаза девушки. Дрожащая, смущенная, опешившая от его поведения Груша испугано дернулась, решив немедленно уйти из этого сада и от него. Но Андрей быстро притиснул ее к своей груди, и его широкая ладонь властно прижала светловолосую голову Груши к плечу. Трепещущая, зардевшаяся от его близости, а еще более от его дерзких поцелуев, она попыталась вновь вырваться из его рук, но Елагин сжал ее в объятиях и выдохнул над ее макушкой:

– Тише, не вырывайся, девочка моя...

Груша замерла и отчетливо ощутила, что ей приятна близость молодого человека. Его теплые руки с силой и как-то очень осторожно удерживали ее, и она наконец осознала, что произошло. Воспоминания о его губах, которые целовали ее мгновение назад, вызвали в теле девушки сладостную дрожь. Не ожидая такого смелого поведения от Елагина, она думала лишь о том, что даже в своих мечтах не представляла, как может быть упоителен его поцелуй. Она перестала вырываться, сама прижалась к нему. От молодого человека веяло силой, спокойствием и защитой, и Груша, как пойманная птичка, радостная и трепещущая, чувствовала, будто попала в сказочный сладостный сон. Где был он – так близко. Ее желанный кумир, ее тайный возлюбленный, ее герой. Она так долго мечтала о нем, так много грезилась о том, как Андрей будет вот так держать ее в своих объятиях, что затрепетала всем существом, ощущая, как ее переполняет иступленное безумное счастье.

– Вы дрожите, Грушенька? Замерзли? – тихо произнес он ласковым баритоном.

– Нет, – пропела она в ответ, слыша, как собственное сердце стучит глухими, дикими ударами от его близости.

– Вы боитесь меня? – глухо прошептал он.

– Нет, – выдохнула она нежно в ответ.

Елагин начал целовать ее макушку, и Груша, ощутив его горячие губы на своих волосах, еще сильнее затрепетала. Интимность, сладость и упоение этого момента полностью завладели ее существом, и девушка поняла, что хочет, чтобы Елагин снова поцеловал ее и уже более никогда не выпускал из своих объятий. Молодой человек будто услышал тайные позывы ее души. Ласково обхватив широкой ладонью ее шею и подбородок, Андрей приподнял ее лицо. Одурманенная, послушная и дрожащая, Грушенька подняла на него свой чудный взор и увидела, как его глаза светятся в темноте. Она не отрывала взгляда от его ласковых нежных глаз, утонув в голубом омуте его притягательного взгляда, и вся ее душа прямо рвалась навстречу ему.

Андрей чуть передвинул ладонь с ее шеи, и его сильные пальцы медленно провели по пухлым манящим губам девушки. Он видел, что эта ласка нравится ей, ибо она прерывисто задышала. Ошалев, от ее покладистости и явного проявления ответного чувства, он ощутил, как в его висках бешено застучала кровь. Вновь склонившись к ней, он прижался к ее губам.

Но тут случайный шорох заставил Елагина напрячься. Вмиг оторвавшись от губ девушки, он инстинктивно поднял лицо. Устремив взгляд на распахнутые окна гостиной, где горел яркий свет, он невольно нахмурился. На мгновение ему показалось, как в проеме окна мелькнуло светлое платье. Неприятное чувство от того, что их видели, заставило Андрея убрать руки и выпустить девушку из объятий. Он не боялся того, что станет известно об их с Грушей близости, но Андрей не хотел, чтобы завтра вся усадьба болтала об этом. Сначала он собирался все выяснить, поговорить с девушкой и все до конца решить, а уж потом объявлять об их помолвке.

Груша смущенная и дрожащая от того, что сейчас произошло, бросила на молодого человека страстный испуганный взор и, сорвавшись места, побежала прочь из сада. Он окликнул ее по имени и на секунду замешкался. Когда же Андрей устремился вслед за девушкой, понимая, что им немедленно надо обо всем поговорить, она уже выбежала на ярко-освещенную дорожку, ведущую к парадному подъезду дворца. Елагин резко остановился, понимая, что вновь все пошло как-то не так. Эта женщина у окна, которая спугнула их, и собственное замешательство опять помешали его планам.

Едва Груша оказалась в светлой парадной, она увидела княжну Татьяну. Чуть замедлив шаг и приблизившись, она хотела спросить, когда ей вновь петь, но отчетливо отметила злой, колючий взгляд Татьяны.

– Ступай к себе, ты мне сегодня более не нужна, – вымолвила княжна сквозь зубы и, развернувшись на каблучках, направилась к открытым дверям гостиной. Груша обрадовалась

этому и, перепрыгивая через три ступеньки, поспешила наверх, желая побыть в одиночестве и помечтать о том, что теперь случилось в яблоневом саду.

Глава IX. Ревность

– Я хотела поговорить с тобой, братец, – произнесла Татьяна, когда они с Константином остались наедине в пустынной гостиной.

Было уже за полночь, и гости давно разъехались. Но Урусову отчего-то не спалось, и он, медленно потягивая вино, сидел у камина и смотрел на догорающие угли. Татьяна, которая уже собиралась подняться наверх, заметила брата в гостиной и приблизилась к нему.

– Я слушаю тебя, сестрица? – ответил ласково князь, подняв на девушку глаза.

Татьяне недавно исполнилось двадцать, и она была на девятнадцать лет младше Константина. Урусов очень хорошо помнил сестру маленькой девочкой, так как в последний раз видел ее еще в молодости. Потому в данный миг, смотря на Татьяну, которая уселась напротив в кресло у камина, ему было еще трудно привыкнуть к тому, что она выросла. Он воспринимал ее как еще юную несмышленную девицу и чувствовал себя так, будто разговаривает с дочерью.

– Это касается Аграфены.

– Груши? – заинтересованно произнес Урусов и чуть прищурился. – И что с ней?

– Я хотела просить тебя, братец, чтобы ты не давал ей вольную, если она вдруг попросит.

– А она разве не свободна? – искренне удивился Константин, поставив хрустальный бокал на столик, и напряжено посмотрел на сидящую напротив сестру. – Я думал, матушка давно выправила ей вольную. Она же в каждом письме твердила, что намеревается это сделать.

– Да, матушка очень хотела свободы для Груши. Ибо считала ее своей названной дочерью. Представляешь? – с ревностью, как-то зло заметила Татьяна. – Но у нее одна дочь, это я!

– Согласен, – кивнул Константин. – Но Грушу воспитывали как дворянку. С самого детства она была при тебе, и относились к ней не как к обычной крепостной. Оттого, видимо, матушка и воспринимала ее как дочь.

– Но Груша не дворянка, Костя, – желчно воскликнула княжна. – Она крепостная. И отец всегда твердил матушке об этом. Но матушка не желала слушать и постоянно просила, чтобы батюшка написал Груше вольную. Но он не хотел этого, говорил, что она слишком дорогая крепостная девка, чтобы просто так отпускать ее на волю. За нее можно выручить огромные деньги. Как-никак она и музицировать умеет. И наукам разным обучена и три языка иностранных знает. Начитанная, образованная и певица знатная. В последние годы перед смертью батюшка постоянно твердил, что надобно продать Грушу, потому как денег в нее вложено немало, и потому сделка должна окупить все его расходы.

– И что отец действительно намеревался продать ее? – нахмурившись, спросил князь.

– Ну да. Он даже покупателя нашел, когда Грушке шестнадцатый год шел. Одного подполковника в отставке, который как-то гостил у нас в имении. И которому она так приглянулась, что он, почитай, четыре тысячи золотом предлагал за нее батюшке.

– Неужели? – опешил Урусов. Отчего-то от рассказа сестры ему стало не по себе.

Естественно крепостных продавали и покупали, и он относился к этому как к обыденности. Но тот факт, что матушка хотела видеть Грушу свободной, а отец намеревался продать девушку, ему показался весьма неприятным.

– Батюшка и продал бы ее, уж больно деньги большие подполковник обещал. Но матушка тогда устроила такую истерику со слезами, что ей даже доктора вызывали, а отец, испугавшись за ее здоровье, отступился от своих планов. Так после этого матушка весь следующий год умоляла написать вольную Груше. Матушка сказывала мне, что боится, как бы батюшка опять не решил продать ее Грушеньку. И постоянно твердила, что она такая нежная ранимая девушка и нельзя ее какому-то самодуру продавать, такому, как, например, этот подполковник, у которого на уме были одни блудливые мысли.

– И что же, матушка обсуждала с тобой все эти подробности? – опешил Константин.

– Да вся дворня об этом знала. Во всяком случае, тот подполковник и не скрывал, что собирается сделать Грушу своей любовницей.

– Хм. Ну и истории ты мне рассказываешь, сестрица, – заметил Урусов.

– Так я вот о чем хотела поговорить с тобой, Костя, – начала нервно Татьяна. В ее голове уже нарисовался некий план, который она хотела немедленно осуществить, чтобы устроить свое счастье, которому в данный момент мешала Груша. – Все же надо исполнить волю батюшки и продать ее. Я только тебя и ждала для этого. Поверенный без твоей подписи не хочет ничего делать, поскольку ты главный владелец всего имущества.

– И ты хочешь, сестрица, чтобы я продал Грушу? – вновь переспросил Урусов.

– Да. Непременно. Она мне больше не нужна, – сказала твердо Татьяна.

Княжна вновь вспомнила миг, когда Елагин целовал Грушу в саду пару часов назад. Уже давно Татьяна ревниво замечала, что их управляющий как-то уж больно заинтересованно смотрит на ее компаньонку. И это вызывало в душе девушки ревнивое, темное недовольство, ведь она сама была влюблена в Андрея Елагина. Гнетущая ревность и зависть к красоте Груши уже более года точили существо Татьяны, но она никому этого не показывала. При этом ежедневно княжна думала о том, как убрать Грушу из усадьбы, чтобы Елагин забыл ее. Замыслив продать Грушу еще прошедшей осенью, княжна с прискорбием узнала от поверенного, что для того, чтобы выставить Грушу на продажу в одном из Петербургских рабочих домов, необходимые документы должен был подписать непременно новый владелец поместья и имения, ее брат. Поэтому Татьяна так неистово и мучительно ждала, когда вернется Константин. Ибо Андрей видел только эту смазливую крепостную девку, а на нее, Татьяну, не смотрел вовсе.

– Мы можем выручить за нее хорошие деньги, Костя, – продолжала свою ядовитую речь княжна. – Я узнавала, не менее пятисот рублей. Конечно, было бы чудесно продать ее тому подполковнику, который предлагал за нее гораздо больше, но, говорят, в сию пору он живет за границей.

– Ты меня, право, огорошила, Татьяна, – заметил задумчиво Константин. – Не думаю, что надобно продавать Грушу. Она вроде никому не мешает. Да и матушка хотела, чтобы она была свободной.

– Ты что же, хочешь дать ей вольную? – воскликнула с негодованием Татьяна.

Она тут же представила, как Груша становится свободной. И тогда уже ничто не помешает Елагину жениться, так как девушка сама будет решать свою судьбу. Нет, по мнению Татьяны, Груша должна была исчезнуть из их поместья по-другому: уехать к своему новому хозяину, который бы никогда не позволил ей выйти за Елагина. Андрей мог бы попытаться выкупить девушку, но Татьяна знала, что он беден и у него явно не наберется даже половины нужной суммы.

– Нет, сестрица, конечно же, нет, – медленно ответил Урусов, как будто что-то обдумывая и смотря на огонь. Перед взором его вновь возник пленительный образ юной девушки у рояля, трогательный и нежный. – Над этим стоит подумать, а не решать сгоряча.

– Костя, продай ее! Ну зачем она нам? Хуже редьки она мне надоела! – капризно воскликнула Татьяна.

– Так не общайся с ней, – заметил наставительно Константин. – А продавать, думаю, ее не стоит. Жаль все же Грушу. Да и матушка хотела, чтобы она была свободна. Я, право, не могу сейчас это решить.

Татьяна, видя, что брат колеблется, мгновенно разозлилась и зло выпалила:

– А если бы я просила тебя продать Потапа, дворецкого, ты бы сделал это?

– Возможно, но к чему ты спрашиваешь?

– А к тому, что Грушка такая же крепостная, как и Потап! Так потому я и не пойму, отчего матушка носилась с ней как с писаной торбой, а теперь и ты продавать ее не хочешь. От

нее толку-то, как от вазы на подоконнике. Она же ничего не делает в доме, лентяйка, а денег за нее выручить можно немерено!

– Довольно, сестрица. Я понял тебя и подумаю над этим, но не сейчас. Пока пусть все остается как есть. Пожалуй, я переведу Грушу на какую-нибудь работу по дому, раз тебя так раздражает то, что она ничего не делает.

– Не надобна мне ее работа! – уже в истерике процедила княжна. – Я хочу, чтобы ты продал ее и немедленно!

– Я сказал, довольно! – уже повышая голос и вставая с кресла, заметил Урусов раздраженно. – Матушка, я смотрю, избаловала тебя. Но запомни, Татьяна, не все в жизни происходит так, как ты того желаешь. Оттого я заявляю тебе прямо сейчас, Грушу я в ближайшее время продавать не намерен, а позже... видно будет...

Он направился к двери, показывая, что разговор окончен. Татьяна нервно смотрела на его широкоплечую высокую и статную фигуру. Едва Константин скрылся за дверью, княжна зло прошипела себе под нос:

– И кажется мне, братец, что тебе самому Грушка приглянулась, раз не хочешь слышать о ее продаже...

На следующее утро, встав около семи, Груша позавтракала на кухне вместе с Агафьей и другими дворовыми. Девушка знала, что не сможет сесть за один стол с князем Урусовым, поскольку отчетливо понимала, что в господской столовой ей не место. Раньше она ела с Татьяной, но отныне девушка четко решила трапезничать на кухне, как и все остальные домашние слуги. Груша была даже рада этому, ибо приезд князя невольно избавил ее от присутствия в столовой. В настоящее время у нее была возможность встречаться за трапезой с Елагиным, который тоже ел в большой общей кухне. Она прекрасно знала, что Андрей не придерживается строгого расписания, а трапезничает, когда у него выдается свободное время. Но Грушенька все же надеялась хоть иногда видаться на кухне с предметом своего обожания.

Ближе к восьми она направилась в оранжерею и занялась розами, которым уже давно требовалась пересадка. Захватив по дороге из хозяйственного помещения передник и лопатку, девушка вошла в стеклянные двери, потускневшие от времени, и попала в огромное заброшенное царство цветов.

Оранжерея, которую обустроила еще бабка княжны Татьяны, в эту пору переживала нелучшие времена. Когда-то давно, лет тридцать назад, этот зимний сад насчитывал более сотни видов диковинных растений и цветов. Сейчас же оранжерея казалась почти вымершей. Единственным человеком в усадьбе, кому была небезразлична эта заброшенная постройка с его обитателями, оставалась Груша. Еще с детства она тайком прибегала в этот мир зелени. Девочка представляла, что она в сказке и растения – это ожившие герои. Разговаривала с ними, спрашивала советов в своих детских вопросах. Еще при покойной Марии Кирилловне за оранжереей ухаживал старый садовник Иван. Но после его смерти растения стали никому не нужны.

Лишь Груша часто приходила сюда и заботилась об еще оставшихся зеленых жителях оранжереи. Девушка несколько раз просила княжну найти садовника или разрешить ей самой постоянно выращивать цветы. Но Татьяна брезгливо воротила носик и говорила, что вообще лучше снести это никчемное здание и построить на его месте фонтан во французском стиле. К тому же Груша понимала, что одних ее садовых работ недостаточно. Обустройство оранжереи требовало и денежных трат. Здание ветшало без ремонта, земля без обновления становилась менее плодородной, а растениям нужны были хорошие удобрения. Но попросить у княжны Груша не решалась.

С растениями она провозилась большую часть утра. Уже ближе к одиннадцати, когда, присев на корточки, девушка пересаживала небольшие кусты белых роз, она невольно услышала быстрые приближающиеся шаги.

– Доброе утро, Грушенька, – произнес низкий красивый голос сбоку от нее, и взор девушки тут же наткнулся на короткие сапоги из мягкой кожи и сильные ноги мужчины, который остановился рядом. Она подняла голову и проворно поднялась.

Князь Константин в бежевом сюртуке и черных полосатых брюках стоял между грядами в старой оранжерее. Он был, как и обычно, гладко выбрит, а его густые светлые волосы собирала на затылке в короткий хвост темная лента. Взгляд, цепкий, гнетущий, направленный прямо на ее лицо, совсем не понравился девушке.

– Здравствуйте, Константин Николаевич, – тихо ответила Груша.

Жадным взором князь пробежался по изящной фигуре и остановился на ее светлой голове. Волосы были собраны в затейливый узел на затылке, но несколько непослушных прядей выбились из прически, спадали ей на уши. Она была одета в темно-зеленое платье и поношенный, но чистый хозяйственный передник.

– Что вы делаете? – спросил он по-доброму.

– Пересаживаю розы, они сильно заросли, – объяснила Груша и приветливо улыбнулась князю.

Урусов отчего-то смутился и покраснел. Он уже не помнил, когда в последний раз конфузился от улыбки женщины. Но язык прилип к гортани, и он непроизвольно сглотнул комок в горле.

– Вам помочь? – предложил Урусов, чуть ли не вплотную приблизившись к девушке.

– Извольте, раз вам угодно, – ответила Груша, пожав плечами и ощутив, что от близости его большого тела ей не по себе.

Она вновь опустилась к розам. Видя, как девушка отвернулась от него и начала копать ямку, князь опустился на корточки рядом. Он взял за ствол черенок, как показала Груша, удерживая его в небольшой ямке.

– При условии, что вы научите меня, я смогу стать хорошим садовником, – вымолвил он спустя минут пять, когда они принялись уже за второй куст.

Груша удивленно воззрилась на него и улыбнулась уголками губ, оценив шутку. Она не представляла этого надменного вельможу, каким он предстал перед ней вчера, в роли садовника.

– Я не уверена, что эта роль подойдет вам, – ответила Груша, начиная закапывать саженец в землю. Спустя минуту, ладошками прихлопнув землю, она взяла лейку, которая стояла рядом, и полила посаженный розовый куст.

– Вот и все, – сказала девушка и выпрямилась. Константин так же поднялся на ноги вслед за ней. И вдруг стремительно придвинулся и выпалил:

– Позвольте?

Не дожидаясь ответа девушки, князь схватил руку Груши, испачканную землей, своей широкой ладонью и, склонившись, поднес ее кисть к своим губам. Она так испугалась, что не смогла двинуться с места. Его губы очень нежно и долго поцеловали пальчики девушки, и лишь спустя некоторое время Урусов медленно выпрямился и устремил на ее лицо взгляд своих сверкающих серебристых глаз. Его взор невольно утонул в ее ярких фиолетовых очах. Константин замер, ощущая, как сердце забилось в бешеном темпе.

– Вам кто-нибудь говорил, что у вас колдовские глаза? – спросил он проникновенным голосом, так и не выпуская кисти девушки из своей ладони. – Глаза, от которых невозможно отвести взор...

Груша напряглась, отчетливо видя, как князь склоняется ближе. Она занервничала.

– Зачем вы? – испуганно спросила Груша и попыталась выдернуть руку из его сильных пальцев.

– Не вырывайтесь, – властно произнес Урусов и глухо добавил: – Что же вы больше не улыбаетесь? Или я сказал что-то не так?

Смущенная, испуганная и нервная, она резко высвободила руку из ладони князя.

– Извините, мне надо срочно к Татьяне Николаевне, – немедленно придумала предлог девушка, чтобы избавиться от общества князя. Быстро обойдя Урусова, она бросила через плечо: – Совсем забыла, она просила меня к одиннадцати прийти в музыкальный зал.

Груша почти бегом покинула оранжерею, желая поскорее оказаться подальше от князя, который явно намекал на свое расположение.

Урусов огорченно обернулся ей вслед и проводил стройную фигурку Груши хмурым взором, размышляя, что же он сделал не так, и отчего девушка попросту сбежала. Женщинам всегда нравились его внезапность и напор, которые в сочетании с красотой и мужественностью помогали ему легко завоевывать представительниц прекрасного пола.

Хмуря брови и размышляя над всей этой ситуацией, Константин медленно вышел из оранжереи и направился в сторону дворца. Он напряженно думал о девушке, которая только что была рядом, но не захотела оставаться в его обществе. Увидев Грушеньку вчера, сначала на дороге, а затем в золотистой зале Константин ощутил в душе небывалый трепет. Страстное волнение и жгучее вожделение еще вчера вечером завладели его существом.

Весь облик девушки: необычайная чарующая красота ее лица, невероятный фиолетовый манящий взор, алые спелые губы, нежные щеки, светлые локоны, изящный силуэт с приятными округлостями, ее волшебный голос, а более всего ее наивность, юность и неподдельное смущение завораживали его. Жажда обладания этой искусительницей, которая так неожиданно появилась в его жизни, завладела всеми мыслями князя. Поэтому сегодня поутру он намеренно разыскал ее в оранжерее и попытался вновь приблизиться и показать свой интерес.

Урусов понимал, что Груша являлась его крепостной. И оттого он мог просто приказать девушке прийти в его спальню. В детстве Константин часто видел, как отец поступал с горничными именно таким образом. Но князь не хотел принуждать девушку и уже тем более с позиции силы и власти заставлять ее подчиняться его желаниям. Отчетливо сознавая свою мужскую привлекательность и стать, он намеревался завоевать благосклонность вполне достойным способом. Он решил ухаживать за Грушей, полагая, что вскоре она сама предложит ему свои прелести.

С того дня Урусов начал тонкую, затаенную игру с объектом своего вожделения. Все свое время он старался проводить в обществе Груши. Днем Константин присоединялся к ней и Татьяне на прогулке, после обеда заходил в оранжерею или в библиотеку, где находилась в тот момент Груша, а каждый вечер после ужина оставался на долгое время с девушками в голубой гостиной. Урусов вел с Грушей длительные беседы, призывно улыбался и постоянно подолгу страстным проникновенным взором заглядывал в ее пленительные очи. В ответ же на все его порывы Грушенька стыдливо смущалась и опускала взгляд, делая вид, что не понимает намеков Урусова. Константин хотел блеснуть перед девушкой своими знаниями и талантом и все вечера напролет в уютной гостиной оливкового цвета рассказывал всевозможные истории из жизни европейского общества или вспоминал о давней военной службе. Часто он играл на рояле забавные легкие вещи из репертуара Штрауса или Листа, и Татьяна с удовольствием ему аплодировала. Груша же не проявляла никаких восторгов, чувствуя, что за всем вниманием князя скрывается какое-то темное желание, непременно касающееся именно ее.

Глава X. Дольское

Шестнадцатого мая Урусовы были приглашены к трем часам в Дольское к Лопухиным на спектакль. Князь Павел Петрович Лопухин, большой театрал, часто для помещиков соседних вотчин утраивал представления в своем небольшом усадебном театре, где выступали и играли роли крепостные.

В Дольское надо было прибыть к трем пополудни.

Оправляя свою легкую шаль, Груша, уже собравшись, вышла на крыльцо дворца и огляделась, Татьяны еще не было. Заслышав ржание лошади сбоку от себя, девушка непроизвольно повернула голову влево и быстрым взором прошлась по князю Константину, который уже сидел в седле, облаченный в красно-синюю гусарскую форму. Урусов чуть приблизил своего вороного жеребца к крыльцу, где стояла Груша, и спросил:

– Татьяна скоро спустится?

– Она надевала шляпку, когда я заходила к ней четверть часа назад, Константин Николаевич, – почтительно ответила Груша. Урусов опять отъехал от крыльца, ласково похлопав по гриве нетерпеливого жеребца.

На крыльце стояли Агафья и Проша, и девушка приблизилась к ним. Агафья обернулась к Груше и, ласково улыбнувшись ей, поинтересовалась:

– Когда вернетесь-то, Груня?

– Не знаю, нянюшка, как Татьяна Николаевна захочет, – ответила Груша и ответила открытой улыбкой.

– Не забудь после на кухню к нам прийти, рассказать, – попросила Проша, которая была одной из крепостных горничных в поместье Урусовых.

– Конечно, зайду, – ответила Груша.

Константин то и дело исподлобья бросал страстные горящие взоры на светловолосую девушку, стоявшую с бабами на крыльце, и нервно кусал губы. Грациозно изящная, хорошенькая в своем платье из легкого атласа яркого солнечного цвета, в соломенной легкой шляпке, Груша казалась ему невероятно юной и прелестной. Уже десять дней Урусов пытался вызвать у девушки ответную реакцию на свои порывы. И ощущал, что с каждым часом его плотское желание к этой соблазнительной нимфе становится все сильнее. Но Грушенька никак не реагировала на все знаки внимания и, если нечаянно оказывалась с ним наедине, проворно удалялась, стараясь избежать его общества. Такое поведение девушки озадачивало Урусова, он никак не мог понять, что делает не так и отчего она не желает узнать его ближе.

Теперь же, видя, что Груша совсем не смотрит в его сторону, Урусов задумал показать свою удаль и стать, ведь он изрядно поднаторел в искусстве обольщения женщин. Быстро дав команду своему вороному жеребцу, он пустил его парадным шагом, и конь послушно начал высоко поднимать копыта, а затем, чуть прищпорив, Константин заставил его перепрыгнуть через большую лужу.

– Хорош, князюшка! – воодушевленно произнесла Агафья, любуясь величавой подтянутой фигурой князя в гусарском мундире, уверенно сидящего в седле. – И кому ж такой подарок-то достанется?

Груша невольно подняла глаза на Урусова.

– Да уж, поговаривают, что Константин Николаевич знатный баловник по части женского пола. Говорят, этой весной, – тихо заметила Проша, наклоняясь к Агафье, но так, чтобы слышала и Груша, которая перевела на нее удивленный взор. – Он всего на пару месяцев заезжал в столицу, но тамошние самые изысканные дамы прямо в восторге остались. Поговаривают даже, что сама княжна Щербатова страдала по нему. А она все же первая столичная красавица.

А еще рассказывают, что он со всеми барышнями заигрывает да ухаживает, но ни с кем никак не обручается.

– Ты-то откуда это знаешь? – усмехнулась Агафья.

– Так моя сноха работает в доме князей Куракиных, а к ним многие ездят, даже иногда сам император. Так она много чего мне рассказывает.

Груша безразлично слушала Прошу и, вдруг о чем-то вспомнив, произнесла, обращаясь к Агафье:

– Пойду найду Андрея Прохоровича. Он не уехал еще в город?

– Вроде нет, – ответила Проша, обернувшись к ней.

Груша спустилась по лестнице и направилась к хозяйственным постройкам, решив, пока не спустилась княжна, быстро переговорить с Елагиным, так как еще с утра придумала предлог, чтобы увидеть молодого человека хотя бы на миг.

– Вот повезло Груне-то, – начала завистливо Проша, провожая взглядом девушку. – И чего это покойная барыня выбрала именно ее в компаньонки к своей дочери?

– Дак сирота она. И пригожая еще с детства была. А ты чего завидуешь, что ли? – удивилась Агафья.

– А кому бы не хотелось бездельничать, да еще в красивых платьях ходить?

– Зря завидуешь, – пожурила ее Агафья. – Несчастливая доля у нее.

– Вот бы всем такую тяжелую долю, – съехидничала Проша.

– Так это ты, простая девка, выйдешь замуж за мужика, нарожаешь ему деток, да и радость тебе будет, – начала Агафья. – А Груня-то воспитана больно по-барски, языки всякие знает, играет на пианинах. Куда она с такими образованиями и красотой за мужика-то? Не сможет же спокойно жить. А за барина ей никогда не выйти, крепостная как-никак.

– Вот бы осерчала на нее Татьяна Николаевна да сослала ее на кухню, – злобно прошептала Проша.

– А ты не желай зла другим, грех это! – сказала наставительно Агафья. – К тому же молодая барышня души в Груне не чает, а чтобы ей рассердиться на Грушу, никогда такого не было.

– Константин Николаевич и впрямь так красив, что и глаз не отвести, – перевела Проша разговор на другую тему и вновь устремила взор на князя. – Как бы сделать так, чтобы он посмотрел на меня? Вот я бы покладистой была да ласковой с ним в постельке-то.

Урусов заметив, что Груша ушла, вмиг осадил жеребца и тоскливо посмотрел на белёный сарай, за которым пару минут назад скрылась девушка.

– Ты это что еще удумала? Нехорошо это, с барином блудить! – произнесла важно Агафья.

– Все тебе не так, грех да грех, – огрызнулась Проша, недовольно глядя на Агафью. – А может, я тоже барской жизни хочу, как наша Грушка.

На крыльцо выглянула Дуня.

– Прошка! Пол еще не метён, а ты тут ласы точишь! – пожурила она.

– Да иду уже! – огрызнулась та и, бросив последний оценивающий взгляд на князя, поплелась в дом.

Свернув на узкую тропинку, ведущую к сараю, Груша наткнулась на дворника.

– Илья Миронович, вы Андрея Прохоровича не видели? – обратилась она к нему.

– На конюшне вроде был, – ответил Илья, продолжая собирать прошлогоднюю листву.

– Спасибо.

– Сегодня одна из кобыл начала жеребиться, – добавил ей вслед дворник.

Более недели Груша не видела Андрея, с того самого вечера, как он поцеловал ее в темном саду. Воспоминания о том сладостном поцелуе постоянно преследовали девушку, и она жаждала вновь повстречаться с Елагиным наедине. Но молодой человек безвылазно находился на посевной, которая подходила к концу. Засветло он уезжал на поля и возвращался лишь поздно ночью. Именно об этом каждый день ей рассказывала Агафья.

И вот сегодня, когда Грушенька спустилась в кухню после обеда, Агафья тихо сообщила, что Елагин приехал с полей полчаса назад и, быстро перекусив, ушел в сторону конюшен. Первым порывом Груши было немедленно идти туда же и наконец-то увидеть Андрея, потому что за эти долгие десять дней ее сердце совсем истосковалось по молодому человеку. Но едва она устремилась прочь из дворца, как в парадной наткнулась на княжну. Окинув каким-то недовольным взглядом Грушу, Татьяна велела девушке собираться с ними на спектакль к Лопухиным. И та, опечаленная, поплелась в свою комнату, совершенно не горя желанием никуда ехать, но и не смея ослушаться княжну. И вот теперь у нее было немного времени, чтобы хотя бы на краткий миг увидеть Андрея.

Пройдя на конный двор, Груша обогнула манеж, на котором Иван выезжал поджарого вороного жеребца, и подошла к одноэтажному белёному зданию. Она вошла в темную конюшню и немного постояла у входа, чтобы глаза привыкли к темноте.

– Андрей Прохорович?! – прозвала Груша молодого человека. Но ей никто не ответил.

Девушка прошла внутрь. Продвигаясь по проходу, устланному сеном, она заглядывала в стойла, где находились лошади, надеясь увидеть Андрея.

– Андрей Прохорович! – вновь прозвала Груша.

Неожиданно из-за угла показалась высокая мощная фигура Елагина.

– Что там еще? – спросил раздраженно он. Но, разглядев светловолосую девушку в ярком, янтарного цвета платье, напрягся всем телом. Его холодно-властный взгляд изменился и стал ласковым и добрым. – Грушенька, вы?

Он чуть приблизился, остановившись от нее в паре шагов. Глаза их встретились, и оба ощутили, что этого момента ждали долгие мучительные дни разлуки. Груша, посмотрев на молодого человека, улыбнулась и тихо проворковала:

– День добрый, Андрей Прохорович...

– И вам добрый, – так же тихо ответил Елагин, будто под неким гипнозом сделал два шага к девушке и замер в манящей интимной близости от нее. Его взгляд остановился на ее губах, и Груша ощутила, как ее обдало жаром.

Андрей отчетливо вспомнил подробности их последней встречи. Чувствуя, как его вновь, как и тогда в саду, накрывает безудержное вожделение, он порывисто задышал, ощущая неистовую потребность прикоснуться к ее стройному стану.

Поймав его красноречивый темный взгляд, направленный на нее, Груша смутилась и вымолвила:

– Мы так давно не виделись...

– Вы хоть немного думали обо мне, Грушенька? – глухо спросил молодой человек и еще сильнее склонился над ней. В этот момент сбоку звонко заржал конь и послышались шаги. Словно ошпаренный, Елагин отпрянул от Груши, понимая, что конюшня не самое лучшее место для свидания. Здесь постоянно сновал народ. Когда мимо них прошел Степан, ведя под уздцы гнедого жеребца, и как-то косо посмотрел в их сторону, Андрей прокашлялся, пытаясь совладать с голосом, который отчего-то охрип. – Вы что-то хотели? – спросил Елагин, уже взяв себя в руки, и его голубые глаза заблестели.

– Если вам не трудно, купите мне, пожалуйста, в городе кисти, краски и холст, – попросила Груша.

– Художничать будете? – спросил молодой человек. Груша медленно кивнула, и он, улыбающийся, заметил: – Ладно, куплю...

Его взор опять уперся в ее губы, и в следующий миг за их спинами раздался обеспокоенный возглас Агафьи:

– Грунюшка, иди скорее! Княжна уже вышла и сердится, что тебя нет.

– Ох, простите меня, Андрей Прохорович, – пролепетала Груша и без промедления подхватила юбки, устремившись наружу.

Здание театра в Дольском было двухэтажным, помпезным и немного кичливым в архитектурном исполнении. В фойе театра толпилась разноликая, надушенная и одетая в черно-белое богатая публика. Женщины были облачены в летние сильно открытые платья, от белого молочного до кремового оттенков. Мужчины – в черные фраки и брюки.

Татьяна и Груша стояли около большого зеркала в фойе крепостного театра и опраивали наряды. На Татьяне было белоснежное легкое шелковое платье, перчатки и фамильный бриллиантовый гарнитур, доставшийся ей от покойной матери. Груша, единственная в этой заполненной зале, одетая в атласное платье сочного оттенка, чувствовала себя немного неловко. Вся публика прекрасно знала, кто она. Оттого женщины и девицы-дворянки искоса рассматривали ее и с презрением отворачивали головы, а мужчины надменно окидывали ее темными оценивающими взорами.

– Я же тебе велела надеть что-нибудь бледное, – недовольно обратилась княжна к Груше. – Вырядилась как на ярмарку.

– А, по-моему, премилое платье, – раздался позади девушек голос Урусова. Константин ненадолго отходил, чтобы поздороваться с гостями. Едва приблизившись к зеркалу, где стояли девушки, он жадно пробежался взором по стройной фигурке Груши, на некоторое время остановив взгляд на неглубоком декольте ее платья. Чуть прищурившись, князь галантно предложил. – Пойдемте в залу. Скоро начнется спектакль.

Константин, одетый в свой парадный военный мундир с красным ментиком через плечо, галантно подставил оба своих локтя девушкам и повел их внутрь большого театрального зала, который освещался множеством свечей, горящих в огромных люстрах. Они вошли в отдельную ложу, приготовленную князем Лопухиным специально для их семейства. Посадив Грушу справа от себя, а сестру слева на бархатные кресла, Урусов вальяжно устроился сам. Взяв бинокль, лежащий на небольшом столике рядом, Константин начал рассматривать дам, сидевших в ложах напротив. Минут через десять, состроив кислую мину, он отложил бинокль и перевел взор на Грушу, которая тихо сидела рядом.

В какой-то момент, когда свет уже погас, а тяжелые портеры распахнулись, открывая небольшую округлую сцену, Урусов наклонился к девушке и шепотом произнес:

– Не беспокойтесь на счет платья, Грушенька. Оно прелестно смотрится на вас. И выглядит гораздо эффектнее, чем бледные и невзрачные наряды других дам. И этот сочный цвет платья необычайно подходит к вашим глазам.

Груша заалела щеками. Урусов наградил девушку ласковым взглядом и подумал, что еще никогда не встречал более совершенного существа, чем она. Тонкие черты ее лица, нежная бархатная кожа и яркий румянец невольно притягивали взгляд. Светлые локоны, кокетливо собранные наверх, спадали большими прядями на обнаженные плечи. Она вновь была не завита. Прямые густые волосы, лишь собранные с боков, чуть перекрученными волнами лежали аккуратно, уходя концами в причудливый цветок, лепестки которого также были закручены из светлых прядей. Урусов уже заметил, что Груша редко завивалась и в основном делала простые прически, как, например, сейчас. Однако ему нравилась ее густая светло-медовая грива, которая даже в таком незатейливом виде поражала своим блеском и пышностью. Сегодня, как и обычно, на девушке совсем не было украшений, только маленькие жемчужные сережки. Но Константину она казалась самой притягательной и желанной в этой густо заполненной зале.

Сочетание невинности, простоты и прелести в Груше как магнитом притягивало Урусова. В основном на его пути встречались фривольные, избалованные, коварные, надменные, развратные женщины, которых интересовали только деньги, очередные любовники и злословие. Груша оказалась первой девушкой, которая была совершенно не похожа на его предыдущих пассий.

Выведав у Татьяны все подробности, которые его интересовали о жизни Груши, Константин отчетливо понял, что девушка была чиста и непорочна. Еще ни один мужчина не касался ее губ и не сжимал в объятьях. И это было удивительно для Урусова, ибо он уже почти не верил в женскую добродетель. Чудная красота ее лица, глаз и стана также были невероятно поразительны и казались князю идеалом женской прелести.

Все это до крайности разжигало воображение Урусова. Все дни, прошедшие с того момента, как он приехал в Никольское, мужчина вел себя совершенно несвойственным ему образом. Он то смущался в присутствии Груши, как юноша, еще не познавший женщины, то краснел лишь от одного нечаянного прикосновения к ее руке или замирал, задевая ненароком край ее платья. Опыт напористого сердцееда наткнулся в лице Груши на прелестную непорочность. Он часто отвечал невпопад или не к месту улыбался девушке, желая скрыть за веселостью свои тайные жгучие желания. Иногда он попросту молчал, не находя слов, чтобы ответить или начать разговор, боясь излишней страстностью или развязностью спугнуть эту юную, наивную пташку.

Спектакль длился более двух часов, а после грандиозного ужина Урусовы и Груша возвратились домой. Всю обратную дорогу до имения Константин, который ехал верхом позади коляски, в которой сидели Груша и Татьяна, любовался прекрасным профилем девушки со светло-медовыми волосами, осознавая, что еще никогда в жизни не был так опьянен близостью женщины.

Глава XI. Гусар

Спустя неделю дождливым вечером двадцать четвертого мая в гости к княжне Урусовой приехала ее давняя подруга, Александра Загряжская, со своим мужем Михаилом. Загряжские жили неподалеку в Сатино и часто проводили долгие летние вечера в поместье князей Урусовых. Молодые люди сидели в залитой солнечным светом гостиной, с распахнутыми окнами в сад, и оживленно беседовали о том, когда следует отправиться Петербург, какие модные салоны надо обязательно посетить и где весело провести время.

Князь Константин, сидевший рядом с Михаилом Загряжским, не принимал участия в разговоре. Чуть развалившись в кресле и потягивая из хрустального бокала игристое вино, Урусов с нескрываемым интересом наблюдал за Грушей, которая по велению Татьяны в этот вечер уже более часа играла на рояле, развлекая гостей. Князь блуждал взглядом по фигурке Груши, подолгу задерживаясь на тех или иных приятных округлостях девушки.

– Как все же я люблю Петербург. Там все так живо, красочно и весело, что совсем не хочется уезжать оттуда, – мечтательно произнесла княжна Татьяна.

– Ты, несомненно, права, Танюша, – согласилась с ней Александра.

Вновь нечаянно обратив взор на брата, Татьяна в который раз отметила, что Константин неотрывно смотрит в сторону Груши. Алчный пристальный взгляд Урусова красноречиво говорил о его тайных мыслях. Уже давно княжна начала замечать страстные жадные взоры брата в сторону Груши. Татьяна была прекрасно осведомлена о развращенности и порочности Константина, о его многочисленных романах здесь, в России, и за границей, про которые ей уже все уши прожужжали знакомые соседки-дворянки.

Княжна до сих пор с неприятной дрожью во всем теле вспоминала последний разговор с Алиной Лопухиной в театре. Тогда Алина, чуть отведя ее в сторону во время антракта, поведала Татьяне, что теперешней весной в столице за коротких два месяца, которые Урусов пробыл в столице для разрешения всех нотариальных дел по поводу наследства, он успел соблазнить и бросить аж трех петербургских красавиц. И одна из них, княжна Щербатова, после того как Константин без объяснений порвал с ней, едва не умерла от переживаний, намеренно отравившись ядом. Ее брат-красавец имел все внешние данные для обольщения женщин, так размышляла Татьяна. Его надменность, дьявольская красота, довольно большое состояние и горячность натуры вкупе с холодноватым циничным блеском завораживающих серебристых глаз делали его несомненный успех у дам. И княжна прекрасно видела, что Константин наметил Грушу на роль очередной жертвы для удовлетворения своей похоти. Сидя на бархатном диванчике в этой солнечной гостиной, Татьяна, улыбаясь гостям, думая о том, что влечение брата к Груше ей на руку.

Уже более двух недель Татьяну терзали печальные завистливые и гнетущие думы. С того званого вечера, когда они собирали в своем имении многочисленную публику, княжна потяряла покой. И виной тому была именно Груша. Не иначе как из-за этой неблагодарной девки влюбленность Татьяны в Елагина не могла перерасти в нечто большее, как того желала княжна. Ведь эта Грушка маячила перед Андреем денно и ночью, соблазняя молодого человека своими прелестями. В тот трагичный вечер Татьяна случайно оказалась свидетельницей поцелуя Груши и Елагина в темном саду. Молодые люди, скрытые среди яблонь, думали, что их никто не видит. Но княжна, имеющая исключительное природное зрение, едва подойдя к открытому окну гостиной, отчетливо разглядела высокую фигуру Елагина, который держал в объятьях девушку. Они находились в тридцати шагах от Татьяны, и она прекрасно разглядела их долгий страстный поцелуй. В тот мгновение сердце Татьяны сжалось от обиды и злости. Как-никак именно Елагин в последнее время занял значимое место в мечтах и сердце княжны.

Тогда Татьяна стремительно убежала из залы, не в силах смотреть на ласки молодых людей. А после, терзаемая жгучей ревностью, попыталась убедить брата немедленно продать Грушу. Но у нее ничего не вышло. Однако княжна не собиралась сдаваться и делала все, чтобы Елагин и Груша не могли часто видаться. Она постоянно придумывала Андрею новые и новые поручения, чтобы он поменьше бывал в усадьбе и держался подальше от этой смазливой девки. Едва неделю назад Андрей покончил с посевными работами, Татьяна приказала ему как можно скорее восстановить разрушенную церковь в соседней деревне. Елагин сутками пропадал на стройке в Чубарово, понимая, что иначе не успеть закончить восстановительные работы за месяц, который ему отмерила княжна. А Татьяна желчно радовалась тому, что хотя бы на время может разлучить эту наглую Грушку с невероятно притягательным Андреем и не дать молодым людям часто встречаться. Свои козни Татьяна дополнила еще одним действием, приказала Проше, одной из дворовых девок, следить за Грушей и Елагиным и обо всем немедленно докладывать ей.

С каждым годом отношение княжны к Груше менялось. Из доброго и дружеского в детстве оно постепенно переросло сначала в холодновато-завистливое, а в настоящее время в злобно-ненавидящее. Сейчас Татьяна ненавидела Грушу всем своим сердцем. И лишь оттого, что Елагин обратил внимание на крепостную девку, которая даже не стоила ее мизинца, а не на нее, Татьяну, такую изысканную, уточенную, богатую и знатную. И нынче явное желание Константина к Груше было главным козырем в борьбе за Елагина. Именно в этот вечер в завистливых злобных мыслях княжны нарисовался окончательный план действий. Татьяна осознала, что надо было устроить так, чтобы ее брат Константин непременно сделал Грушу своей любовницей и как можно скорее. И наверняка Елагин, едва узнав об этом, сам охладет к Груше, поскольку будет считать ее падшей женщиной. Все-таки любому мужчине не понравится, что зазноба его сердца принадлежит другому.

В тот понедельник, двадцать восьмого мая, стояла теплая солнечная погода. Поверх едва распустившихся листьев светило ласковое и вместе с тем горделивое солнце, испускающее свои лучи на землю.

До обеда княжна Татьяна и Груша прогуливались в усадебном парке, который был полон запахов свежей зелени и благоухающих цветов. Девушки, одетые в легкие летние платья, казались на фоне деревьев и травы диковинными птицами, залетевшими в этот райский уголок парка. Княжна, наряженная в желтое канареечного цвета платье из тюля, с глубоким вырезом и золотым кружевом, выглядела изысканно и модно. Зеленый зонтик и белые кружевные перчатки дополняли ее наряд. Темные волосы Татьяны были уложены в пышный шиньон и собраны сзади в золотую сетку. Лазурное платье Груши простого покроя, сшитое из атласа, отлично подчеркивало изысканную красоту девушки. Единственным украшением на Груше были небольшие серьги, выполненные из золота с бирюзой.

Девушки, медленно гуляя по широкой дорожке сада, дошли до чугунной ажурной калитки и заметили двух нищих, стоявших по ту сторону ограды. Татьяна презрительно посмотрела на старика с мальчиком лет восьми, просящих милостыню, которые низко поклонились девушкам и пожелали доброго здравия.

– Пойдем отсюда, – обратилась княжна к Груше и, повернувшись спиной к оборванцам, пошла в сторону пруда. Отметив, что Татьяна не смотрит в ее сторону, Груша проворно подошла к нищим. Она сняла с себя бирюзовые сережки и протянула их старику.

– Возьмите, – обратилась она тихо к мужику, чтобы не услышала Татьяна. – Извините, но у меня нет денег.

– Благодарствую, барышня, – поклонился старик. – За добро воздаст вам Господь.

Груша приветливо улыбнулась ему в ответ и побежала догонять княжну. Она не имела денег, а все драгоценности были некогда подарены ей покойной княгиней.

– Может, велеть Матрене на ужин раковый суп сварить? – спросила княжна Грушу, которая уже поравнялась с ней. Татьяна даже не заметила, как девушка отдала нищим сережки. Татьяна холодно окинула взором Грушу и заставила себя отвести от лица девушки злой взгляд. Отчего-то в последнее время княжну невероятно раздражала красота Груши, и она редко общалась с компаньонкой, так что впервые за всю неделю решила прогуляться в ее компании.

– Как вам угодно, Татьяна Николаевна, – тихо вздохнула Груша, думая о своем.

Вот уже несколько дней Груша не видела Елагина, тоскуя. Та единственная короткая встреча на конюшне была последним и сладостным воспоминанием о молодом человеке. Даже кисти и холст, которые заказывала у него Груша, молодой человек передал через Агафью, ибо наутро следующего дня уехал в Чубарово еще с рассветом. В последнее время Андрей по необходимости постоянно находился в соседней деревне и контролировал строительство церкви, которую требовалось восстановить в течение месяца. Желая поскорее закончить первый этап строительства, который требовал его постоянного присутствия, Елагин, чтобы не мотаться по семнадцать верст ежедневно туда и обратно, вынужденно перебрался на временное жительство в Чубарово, в дом местного старосты.

Девушки прогуливались по ажурному мостику, перекинутому через рукотворный округлый пруд, когда на противоположном берегу увидели князя Константина в сопровождении молодого гусара, затянутого в красно-голубой мундир. Молодые люди, похоже, специально искали девушек в этом конце парка и, едва завидев их, проворно направились навстречу. Через пару минут Урусов и незнакомец поравнялись с девушками и поздоровались.

– Позвольте представить вам поручика Пазухина Сергея Романовича, – галантно произнес Урусов, указывая на крепкого гусара среднего роста с черными усами и смоляными вьющимися волосами. На вид ему было более тридцати лет. – Мой старый приятель по полку. Вместе в Крыму воевали.

– Очень приятно, поручик, – проворковала Татьяна и протянула Сергею Романовичу руку в белой ажурной перчатке.

– Сестра моя, Татьяна Николаевна Урусова, – продолжил Константин. – И Аграфена Сергеевна.

– Мое почтение, княжна, – сказал важно поручик, наклоняясь к белоснежной ручке Татьяны. Затем он повернулся к Груше и поцеловал руку и ей. Подняв глаза, Сергей прошелся изучающим взором по Груше. Под пристальным взглядом Пазухина девушка смутилась. Лишь спустя минуту поручик пришел в себя и воодушевленно произнес:

– Очень рад, сударыни, познакомиться с вами!

– Вы к нам надолго, Сергей Романович? – спросила княжна и кокетливо улыбнулась, легко покрутив в руках прелестный зонтик из зеленого шелка.

Поручик нехотя перевел свои темные глаза с Груши на княжну.

– Надеюсь, на пару недель задержусь у вас. Жены-то пока у меня нет, потому я вольная птица, – ответил Сергей вежливо. Его взгляд опять переместился на прелестное лицо девушки с фиолетовыми глазами.

– Я давно приглашал Сержу погостить у нас, – уточнил Урусов и, заметив, что его друг неприлично глазееет на покрасневшую вмиг Грушу, предложил: – А отчего бы нам не прогуляться?

– О, хорошая мысль, братец! – воскликнула Татьяна. – Груша, пойдем.

Девушки неторопливо брели чуть впереди мужчин по тенистой узкой дорожке.

Урусов и Пазухин завели разговор про войну на Кавказе, которая сейчас была в самом разгаре. Через некоторое время Урусов отметил, что Сергей как-то невпопад отвечает на его вопросы. Неожиданно Пазухин тихо заметил:

– Эти ее глазищи просто до печёнок пробирают!

В этот момент молодые люди отстали от девушек шагов на десять, и Константин после странной фразы друга остановился и, нахмурившись, посмотрел на Сергея.

– Ты это о ком? – князь сделал вид, что не понимает Пазухина.

– Конечно же об Аграфене Сергеевне. Кто ее родители? – выпалил вдруг поручик. Урусов бросил стремительный взор в сторону девушек и отметил, что они уже находились на слишком большом расстоянии, чтобы слышать разговор.

– Зачем это тебе? – холодно спросил Константин.

– Как же? Такая красotka недолго в девках засидится, я думаю. Надо быстренько понравиться ее семье. Может, отдадут мне ее в жены?

– Чего это ты еще придумал?! – возмутился вдруг побледневший князь.

– Да пошутил я, Костя, – усмехнулся Сергей и похлопал Урусова по руке. – Но познакомиться с ней поближе хотелось бы, уж больно хороша ягодка.

Князь промолчал и отвернулся от Пазухина. Недовольно поджав губы, Урусов медленно шел за девушками, стараясь держаться от них на расстоянии.

– Что ты молчишь, Константин? – окликнул его поручик. – Или она уже просватана?

– Аграфена Сергеевна моя крепостная и с детства находится при моей сестре, – выпалил на одном дыхании Урусов, даже не взглянув на друга.

– Крепостная? – выдохнул пораженно Сергей. – Шутишь? Никогда бы не подумал!

– Она осталась сиротой в раннем детстве. Моя матушка желала, чтобы Груша воспитывалась с моей сестрой и получила хорошее образование, – объяснил тихо князь, замедляя шаг и не желая, чтобы девушки слышали их разговор.

– И что же, ласкова она в постели? – перебил его Пазухин.

– Что? – опешил Константин и, остановившись, пораженно посмотрел на поручика.

– Хочешь сказать, – усмехнулся Сергей, – что такая краля – твоя крепостная девка, и ты никогда не баловался с ней?

– Нет, – утвердительно ответил Урусов, начиная заводитьсь. – Мне кажется, Сергей, ты переходишь грань того, что тебя не касается.

– Братец, да ты глупец! – воскликнул поручик. – Пойдем, что остановился?

Мужчины вновь зашагали по аллее за девушками.

– Кабы у меня была такая раскрасавица с аметистовыми глазками, я бы уж точно не раз позабавился с ней.

– Я прошу тебя, Серж, прекрати непристойные речи в адрес Аграфены Сергеевны, – произнес негодуя Урусов, и его серый взор потемнел.

– Ладно, успокойся, чего набычился-то? – ухмыльнулся Сергей. – Лучше расскажи, как ты съездил в Венецию, все мечтаю побывать там.

Константин перестал хмуриться и с удовольствием перевел разговор на другую тему.

Глава XII Андрей

Молодые люди как раз вышли на широкую главную усадебную аллею, когда слышали топот лошади. Уже через минуту их нагнал Елагин верхом на своем жеребце караковой масти. Поравнявшись с молодыми людьми, Андрей чуть придержал коня и, склонив голову в знак приветствия, поздоровался. Княжна и Груша ответили тем же жестом, князь бросил какую-то фразу, а Пазухин промолчал. Груша, невольно опешив от неожиданного появления Андрея в этот час в усадьбе, ощутила, как ее сердце сильно забилося. Она отчетливо понимала, что Елагин должен был в сию пору находиться в Чубарово. Лишь на краткий миг Груша поймала пронзительный и взволнованный взор Андрея, направленный прямо в ее лицо. Но уже через секунду молодой человек, пришпорив коня, поскакал дальше.

Какое-то инстинктивное внутреннее чувство подсказало Груше, что Андрей появился в Никольском из-за нее. Груша занервничала, думая только о том, как быстрее покинуть компанию молодых людей и немедленно направиться в сторону конюшен, в направлении которых усакал Елагин. Уже через пять минут Груша, не выдержав душевного напряжения, тихо обратилась к княжне:

– Татьяна Николаевна, могу я ненадолго сходить во дворец?

– Зачем это? – раздраженно спросила Татьяна, резко остановившись. Ее неприятный сверлящий взгляд испепелил Грушу.

– Мне нехорошо. Я бы хотела выпить воды, – выдумала предлог девушка. Она выдержала гнетущий, неприятный взор княжны и не отпустила глаз.

– Не думаю, что это уместно. Поручик может обидеться, – как-то зло ответила Татьяна, чувствуя, что если теперь отпустит Грушу от себя, то девушка непременно побежит к Елагину. Ведь Татьяна отчетливо заметила алчный темный взгляд, которым окатил Грушу Андрей, даже не соизволив скрыть свой интерес к этой мерзкой девке.

В этот момент их догнали князь и Пазухин.

– Что-то случилось? – удивленно спросил Константин, не понимая, отчего девушки остановились. Груша бросила на князя нервный, просящий взор и произнесла:

– Константин Николаевич, у меня разболелась голова. Я бы хотела вернуться в дом, попить воды, если позволите?

Урусов удивленно поднял брови и по-доброму улыбнулся девушке.

– Идите, конечно, Груша, – вымолвил он ласково.

Татьяна наградила брата злобным взглядом и поджала от досады губы. Груша поблагодарила Урусова и, извинившись перед поручиком, почти бегом, приподнимая платье, направилась в сторону дворца. Груша решила, что для вида зайдет в дом, а потом проскользнет через кухню и выйдет по лестнице для дворовых прямо к конюшням. Андрей, наверное, уже увел жеребца в стойло, и если она поторопится, то перехватит его.

Как Груша и рассчитала, едва она приблизилась к конюшням, из открытых высоких дверей вышел Елагин. В своем неизменном темном сюртуке, брюках, коротких сапогах, с непокрытой темноволосой головой, коротко подстриженной густой бородой, с плеткой в руке, он едва заметил девушку, как тут же резко остановился и как-то по-мальчишески радостно улыбнулся Груше. Она же замерла от него в пяти шагах, отчего-то смутившись и только тут осознав, что ее поведение выглядит глупо. И, возможно, Елагин совсем не хочет видеть ее. А она, едва приметив его, побежала следом как девчонка. Сейчас Андрей это поймет и подумает, что она не в себе. Но молодой человек уже стремительно приблизился к ней и, остановившись в шаге, выпалил:

– Грушенька, я так рад видеть вас...

Его губы вновь озарила ласковая улыбка, и девушка отметила, что лицо Елагина прямо сияет от радости.

– Простите, Андрей Прохорович, я не хотела отвлекать вас, – произнесла она неуверенно.

– Отчего вы решили, что отвлекаете меня? – опешил он. – Вовсе нет. Я ведь только из-за вас... – он резко оборвал фразу, явно не решившись сказать ее до конца. Куча слов вертелась у Андрея на языке, но он не мог высказать Груше все открыто. О том, что только из-за нее он приехал нынче в Никольское, так как тоска по ней уже изъела его сердце. С того самого поцелуя Андрей не мог думать ни о чем ином, кроме как о том, чтобы наконец признаться Груше в своих страстных чувствах к ней и предложить ей стать его невестой. Андрей уже даже купил серебряное обручальное колечко, чтобы подарить его Грушеньке. Всю дорогу сюда молодой человек думал о том, как увидиться с девушкой, а теперь она сама оказалась здесь, у конюшен, словно почувствовала терзания его сердца.

– Мы так давно не виделись, и я подумала... – Груша замялась, подбирая слова, устремив на него яркие глаза. От ее ласкового призывного взгляда Елагин сразу же разомлел и затрепетал.

– Я вырвался всего на несколько дней, – вымолвил Андрей и уже приблизился к девушке вплотную. Не спуская с ее лица горящего взора, он пробормотал: – Дел навалилось, не успеваю ничего. – И, оглядевшись по сторонам и заметив, что кругом полно дворовых, которые сновали туда-сюда, он, чуть склонившись к Груше, тихо произнес: – Мы могли бы поговорить с вами наедине? Мне надо вам так много сказать. Приходите к старой ча... – он не успел договорить, ибо отчетливо слышались приближающиеся шаги.

– Андрей Прохорович! – вдруг раздался неприятный, визгливый голос княжны Татьяны, которая стремительно приблизилась к молодым людям. Груша невольно попятилась от Елагина, ощущая себя до крайности неловко. Поскольку княжна явно будет недовольна, что Груша обманула ее, сказав, что пойдет во дворец. Татьяна вперила невольный взор в Андрея и спросила тоном инквизитора: – Вы что же, уже закончили со строительством?

– Нет, – ответил Елагин хмуро. Холодно и мрачно он посмотрел в упор в невзрачные серые глаза княжны и добавил: – Кирпич закончился, надо за новой партией в Москву ехать.

– И отчего тогда вы здесь? – выпалила сквозь зубы Татьяна, подходя к Елагину ближе. Груша почтительно отошла чуть в сторону.

– Я Федора послал, – заметил Елагин. – Через неделю, в понедельник, обратно поеду, как раз кирпич привезут.

– А вдруг Федор не тот кирпич купит? Как же вы его одного отпустили? – не унималась княжна, желая одного, чтобы Елагин немедленно убрался из имения и не мог видеться с этой девкой, которая, как Татьяна и предполагала, уже крутилась возле него.

– Я все объяснил, Федор толковый парень, – напряженно заметил Елагин, недовольный тем, что княжна учит его вести дела. – Все сделает как надо.

Татьяна прищурилась и гневно посмотрела на Грушу, которая так и стояла тут же и слушала их.

– И что ты тут толчешься? – желчно обратилась Татьяна к Груше. – Ты вроде пить хотела? Вот и ступай немедля в дом!

– Простите, – тихо вымолвила девушка. Бросив печальный взор на Елагина, она повернулась и, опустив голову, медленно пошла в сторону дворца. Татьяна со злобой отметила, как молодой человек долгим взглядом проводил удаляющуюся фигурку Груши, и сквозь зубы процедила, окликнув его:

– Андрей Прохорович! Вы слушаете меня?

– Да, – нехотя произнес Андрей и вновь обратил хмурый взор на княжну.

– Что ж, надеюсь, Федор справится, – заметила та. – Но в понедельник непременно возвращайтесь в Чубарово. Я требую, чтобы именно вы контролировали стройку, и доверяю только вам. Без вас все испортят. Эти холопы так и норовят тяп-ляп все сделать.

– Почему же вы так думаете, Татьяна Николаевна? – опешил Андрей. – Наши каменщики с руками и головой. Не один дом построили. Хорошие мастера. К тому же я не успеваю и здесь и там находиться. Мне бы хоть пару недель тут побыть, проверить как дела.

– Здесь и без вас все нормально. Агафья за девками присматривает, а Тимофей Ильич за остальными. В Чубарово вы нужнее.

– Но, Татьяна Николаевна, – начал Андрей.

– Вы что же хотите обсуждать мои просьбы?! – негодуя заявила княжна, сделав ударение на слове «просьбы», отчего оно прозвучало как «приказы».

– Нет, – хмуро процедил Елагин, испепеляя негодующим взглядом княжну и кипя в душе. Андрей чувствовал, что эта своенравная капризная девица достала его донельзя. И была бы его воля, он бы ей так ответил, что у нее пропало бы все желание указывать ему, что делать. И уж тем более учить его управляться с хозяйственными делами. Небось, она в жизни своей палец о палец не ударила, а только и делает, что отдает приказы и злится, когда они не исполняются.

– Тогда будьте любезны, в понедельник отправляйтесь обратно, – повелительно заметила княжна, кусая губы и испепеляя молодого человека страстным и негодующим взглядом.

– Как скажете, Татьяна Николаевна, – уже сквозь зубы вымолвил Елагин.

Татьяна видела, что сильно он раздосадован, скулы на его мужественном лице резко выделились от недовольства. Но княжна прекрасно знала, что Андрей не посмеет ослушаться ее, потому что побоится потерять место управляющего. И оттого холодно добавила:

– Ах да, еще одно, Андрей Прохорович. В эту субботу съездите в Калугу, надо передать письмо для жены местного губернатора. Отвезете его...

– А что, посыльного нельзя отправить? – процедил Елагин, ощущая, что гнев заполняет все его существо. Неужели эта избалованная девица принимает его за простого крепостного мужика, который должен возить какие-то письма по ее поручению?

– Нет, с посыльным никак невозможно. Это послание очень важное. Мало того, вы дождетесь ответа и привезете мне его к вечеру. Вы поняли?

Елагин заставил себя сдержаться и даже сжал кулак, чтобы не вспылить и не послать княжну куда подальше. Он понимал, что служит у нее. И если князя за ослушание выгонят его, быстро работу управляющего такого уровня ему не найти. Все-таки Урусовы платили хорошие деньги. Да, он вкалывал день ночь и спал менее пяти часов в день. Но зато на свое жалование мог содержать небольшой съемный домик, где жила его матушка, платить за обучение младшего брата, посылать средства жене покойного брата, да еще откладывать немного.

Медленно кивнув, Андрей глухо спросил:

– Теперь я могу идти?

– Да. Однако хотела вам сказать, что мужики, которые коляску нашу правили, криво колесо поставили. Вчера я ездила к Лопухиным, так коляска все в бок съезжала. Вам надобно им приказать, чтобы исправили ее как можно скорее.

– Хорошо, – кивнул Елагин, вздыхая. – Сейчас посмотрю, что там с коляской.

– Да и Константин Николаевич хотел с вами переговорить насчет постройки пирса на реке. Так что зайдите к нему позже.

– Я понял, – кивнул Андрей, совсем скиснув и понимая, что до ночи у него, видимо, не будет свободного времени, чтобы увидеться с Грушей, так как, кроме поручений княжны, у него еще было полдюжины мест, куда требовалось немедленно зайти.

– Что ж, тогда идите, – вымолвила Татьяна.

Елагин, опустив плечи, поплелся обратно в конюшню, ощущая, что его душа прямо жаждет броситься вслед за Грушей.

Проводив эффектную широкоплечую фигуру молодого человека темным взором, Татьяна думала о том, что надо что-то сделать, чтобы Константин поскорее забрал Грушу для своих увеселений, дабы у Андрея от досады и злости даже не было желания видеть эту гадкую девку. Княжна долго стояла у конюшен, размышляя, как все устроить, и вдруг заметила проходящую мимо Прошу. Татьяна окликнула крепостную горничную, и та немедленно приблизилась.

– Чего изволите, барышня? – спросила услужливо Проша.

– Ты это что же, Прасковья, совершенно не следишь за Елагиным, как я тебе велела?

– Слежу, барышня, так ведь его не было.

– Он приехал. Так следи в оба.

– Слушаюсь.

– И еще, – Татьяна показала пальцем, и Проша приблизилась вплотную. – Как будто ненароком скажешь Андрею Прохоровичу, что Грушка тайно в моего брата влюблена и вздыхает по нему.

– А это правда? – опешила девушка.

– Тебе какое дело?! – выпалила княжна. – Скажешь, как я велела, да так, чтобы он непременно поверил, и добавишь, что Константин Николаевич и сам на нее все время смотрит. Поняла, что ли?

– Да, барышня, – кивнула Проша.

– А ежели увидишь, что Елагин с Грушкой опять говорит, немедля мне докладывай. Немедля!

– Поняла, Татьяна Николаевна.

– Смотри у меня, – пригрозила княжна и направилась в сторону аллеи.

Глава XIII. Ложь

В тот же день около десяти вечера Елагин стоял под раскидистой яблоней и напряженным взором смотрел на окна гостиной дворца, в которых горел свет многочисленных свечей. Вот уже полтора часа молодой человек терпеливо ожидал Грушу, так как знал, что она часто по вечерам перед сном гуляла в саду. Но сегодня она отчего-то не вышла на улицу. Неистовая жажда поговорить с желанной девушкой не давала Андрею уйти со своего поста. Поэтому он терпеливо неумолимо ждал, прислонившись мощным плечом к стройному стволу дерева.

Спустя некоторое время, когда уже совсем стемнело, Елагин заметил, как в спальне Грушеньки на втором этаже зажглись свечи. Его пытливый внимательный взор заметил силуэт девушки у окна. Она быстро прошла несколько раз мимо окна, и уже через четверть часа свет погас. Расстроившись, Андрей понял, что Груша легла спать и так и не вышла гулять. Тяжело вздыхая, Елагин широким шагом направился в сторону жилого корпуса для дворовых, чувствуя, что некий злой рок не дает ему поговорить с девушкой. Задумчиво опустив голову, Андрей резко остановился, когда перед ним неожиданно возникла Проша.

– Ты что это тут, Прасковья? – опешил Елагин, почти налетев на девушку.

– В саду гуляли? – спросила ехидно Проша.

– Гулял, – ответил хмуро Андрей, проходя мимо девушки.

– И зря, – заметила она, видя, что молодой человек не обратил внимания на ее фразу, в спину добавила: – Не выходит она нынче по вечерам в сад...

Елагин мгновенно остановился и обернулся к Проше.

– Ты это про кого? – спросил он.

– Дак, ясное дело, про кого. Про Аграфену Сергеевну, вы же ее дожидались?

– И вовсе нет, – произнес Елагин, смутившись. Проша подошла к нему ближе и, хитро посмотрев молодому человеку в лицо, вымолвила:

– Да все уже знают, что вы бегаете за ней. Что уж скрывать...

– Кто это знает?

– Дак все говорят, – пожала плечами Проша, прекрасно зная, что про это знают лишь княжна да она. Девушка окинула масляным взглядом статную фигуру Андрея, подумав о том, что было бы чудесно, если бы этот притягательный Елагин так караулил ее, Прошу. Но нет, он бегал за мерзкой Грушкой, которая, по мнению Проши, и так жила чересчур вольготно для крепостной. И она ехидно с досады заметила: – Только зря вы все это. Грушка-то по князю сохнет. Все глаза на него проглядела.

Опешив, Андрей нахмурился и уставился на девушку мрачным взором.

– Ты это что, Прасковья, белены объелась? – вымолвил он нервно.

– Что, не верите? А зря, – ответила Проша твердо и, выдержав нужную паузу и отметив, как лицо молодого человека сделалось совсем мрачным, отвернулась и пошла прочь. Но Андрей проворно догнал ее и схватил за плечо.

– И с чего ты это взяла, что она... – вымолвил он глухо упавшим голосом, опуская плечо девушки и не сводя с нее напряженного мрачного взора.

– Дак она мне сама сказывала, – пожала плечами Проша, соврав и не моргнув глазом. – Говорила, едва князь приехал, так она сразу же, как увидела, так и влюбилась. Говорила, что Константин Николаевич красавец, каких и не сыскать. Еще и богатый да знатный. Да и князь тоже не против побаловаться с ней. Я сама видела, как вчера они с Грушей долго с утра гуляли по саду, а потом в дом пошли. Груша оттого по вечерам и не выходит, что они в гостиных с князем и княжной все разговаривают или музицируют. А раз не верите, сами у Грушки спросите...

Закончила Проша уже ехидно, отчетливо видя, как лицо Елагина стало темнее тучи от ее слов. Удовлетворенно хмыкнув, девушка вновь пошла по дорожке, довольная тем, что испортила жизнь этой мерзкой Грушке, которая явно не заслуживала барской жизни, да еще и того, чтобы управляющий, который в жизни не глядел ни на одну девку из усадьбы, бегал за этой выскочкой.

Долго стоял Елагин посреди дорожки и прокручивал в голове каждое слово Прасковьи. Сердце не хотело верить в то, что Груша действительно влюблена в Урусова. Но разум твердил, что если уже дворовые об этом болтают, то все вполне может оказаться правдой. Это надо было выяснить немедленно. Но он не знал, как это сделать. Не мог же он в самом деле подойти к Грушеньке и спросить ее открыто, любит ли она князя и что испытывает к нему, Андрею? Ведь тогда он будет выглядеть до невозможности глупо в глазах девушки. Вдруг Груша скажет, что это правда и что она влюблена в Урусова? Тогда он, Андрей, вообще предстанет перед нею влюбленным глупцом, который выпрашивает любви.

Но сердце молодого человека твердило, что Груша все же равнодушна именно к нему. Ведь в прошлый раз в саду, когда он целовал ее, она не просто позволила себя поцеловать, но и, даже ответила на его страстный призыв. И во время прогулки, или когда они вместе ездили верхом, ни разу не попыталась избежать встречи с ним или немедленно уйти. Нет, совсем нет. Все воспоминания об этих кратких сладостных свиданиях вызывали в душе Елагина влюбленный трепет и чувство счастливой радости от общения с девушкой. Но слова Проши словно каленым железом впились в самое сердце молодого человека, и Андрей, уже медленно направляясь в свою комнату, мучительно размышлял, как узнать правду о том, кому все же симпатизирует Груша.

Солнце уже высоко поднялось над кронами деревьев, когда Груше удалось вырваться из дворца под предлогом прогулки. Все утро Татьяна требовала присутствия девушки рядом и долгие часы после завтрака обсуждала с Грушей новый каталог мод, который накануне привез посыльный из столицы. Груше были неинтересны вычурные фасоны платьев и новые изысканные прически, она изнывала рядом с княжной, пока Татьяна не отпустила ее в свою комнату. И едва у Груши появилось два часа свободного времени, она, быстро проведая Агафью, устремилась на улицу, прочь из этого большого душного дворца.

Груша, надеясь на нечаянную встречу Елагиным, прошла по двору и вдоль палисадника, затем направилась к конюшням и даже обогнула манеж, где, как и обычно, один из конюхов выезжал лошадей. Около часа она бродила по усадьбе, но не увидела Андрея, хотя прекрасно знала, что он где-то здесь. Вздыхая, девушка направилась в сторону липовой аллеи, которая вела в сторону реки Нары, ощущая, что ее поведение смешно. Ведь несколько часов к ряду она, как одержимая, высматривала высокую широкоплечую фигуру молодого человека, чтобы хотя бы на миг увидеть его. Вчера княжна не дала поговорить ей с Елагиным и, словно наказанную, отправила во дворец. А вечером в приказном тоне заставила Грушу три часа подряд играть на рояле в музыкальной гостиной и репетировать новые романсы, отпустив ее в свою комнату, только когда стемнело.

Груша медленно шла по аллее, намереваясь спуститься к реке и немного побыть одной, как вдруг с ней поравнялся поручик Пазухин. Сергей чересчур слащаво улыбнулся и поздоровался. Она ответила ему холодноватым приветствием. Взор поручика не нравился ей, она ощущала, как от него исходит какая-то темная, зловещая энергетика. И не горела желанием общаться с ним. Груша пошла дальше, делая вид, что не замечает Пазухина, который последовал за ней и навязчиво заметил:

– Вы могли бы мне показать усадьбу, Аграфена Сергеевна?

– Не думаю, что могу составить вам компанию, поручик, – ответила она почтительно холодно, останавливаясь.

Сергей вскинул брови и, слащаво улыбнувшись, спросил:

– Отчего же? Вы, Аграфена Сергеевна, так восхитительны, что у меня прямо нет слов! Мне было бы приятно прогуляться с вами наедине.

Груша, смутившись, опустила глаза и нервно затеребила пальчиками кончик оборки на талии.

– И отчего вы смущаетесь? – вымолвил Пазухин. – Вам это совсем не идет. Вы молчите?

– А что вы хотите от меня услышать? – спросила она, подняв лицо.

– Ну, что я нравлюсь вам, и вы бы мечтали о свидании со мной, – без предисловий вымолвил Сергей и уставился на губы девушки развязным взором.

– Не думаю, что это возможно. Я совершенно не знаю вас.

– И что же? – заметил цинично поручик. – Ваше смущение очень странно, милая. Неужели вы не знаете, как надобно понравиться мужчине?

– О чем вы говорите? – растерянно вымолвила она, внезапно поняв, что они находятся в конце липовой аллеи, недалеко от высоких кустарников, за которыми уже видна река. Первоначальное желание Груши пройти через увитую зеленью арку, ведущую к реке, которая находилась впереди между плотным рядом деревьев и кустарников, вмиг испарилось, поскольку она боялась, что Пазухин последует за ней в это пустынное место.

– Вам и делать ничего не надобно, – продолжал развязно Пазухин. – Ибо ваш ротик сам простит о поцелуе.

В следующую секунду он придвинулся к девушке и, цепко схватив ее за локоть, притиснулся вплотную.

– Отпустите! – выпалила испуганно Груша, еще никто не осмеливался так нагло обращаться с нею.

– И не собираюсь! Вы, любезная, должны радоваться, что я прикасаюсь к вам, а не кочевряжиться, – вымолвил Сергей нагло, когда Груша стала вырвать из его цепкой ладони локоть. – Приходите сегодня вечером ко мне в комнату, обещаю, довольны останетесь!

– Пустите! – уже в истерике воскликнула Груша.

– Еще чего, – уже сквозь зубы процедил Пазухин, разозлившись оттого, что эта наглая крепостная девка посмела сопротивляться. – Ну хорошо, не хотите в мою спальню, тогда к реке приходите. Мы и там хорошо позабавимся, на берегу. Я денег вам дам, и немало.

Груша не поняла, что значит позабавиться, но отчего-то ей подумалось, что Пазухин говорит об интимной близости. Эти гадкие намеки и наглое поведение Сергея в конце напугали девушку. Она начала уже с силой отталкивать поручика, желая только одного – немедленно убежать от него. Именно в этот момент из-за зеленой арки со стороны реки на дорожке появились Татьяна и Константин. Едва увидев Пазухина, который уж больно близко стоял к Груше, а рука поручика бесцеремонно сжимала локоток девушки, Урусов нахмурился. Он заметил, что та очень бледна и испугана. Едва Сергей заметил Урусовых, он нехотя отпустил локоть Груши. Отчего-то Константин отчетливо понял, что тут происходило до их появления. Он без промедления приблизился к Сергею и Груше, практически волоча на локте сестру, и воскликнул:

– Серж, приветствую тебя, еще не виделись сегодня!

Пазухин зло взглянул на Грушу, которая тут же отошла от него на безопасных три шага, и медленно перевел взор на Урусова, улыбнувшись князю.

– Доброго дня, Константин. Доброго здравия и вам, Татьяна Николаевна, – галантно произнес Пазухин.

Княжна глупо захихикала и, кокетливо посмотрев на поручика, проворковала:

– Такой чудесный день, как раз для прогулок! Не правда ли, Сергей Романович?

– И я об этом говорю! Но Аграфена Сергеевна не согласна! – воскликнул Пазухин, бросая недовольный, алчный взор на Грушу. – Я приглашал Аграфену Сергеевну на прогулку к реке, а она никак не хочет, – вымолвил поручик, как-то плотоядно ухмыляясь. Двусмысленная фраза

Сергея с гнусным намеком мгновенно разозлила Константина. К тому же он заметил быстрый затравленный взгляд Груши, брошенный на Пазухина. Утвердившись в своих предположениях, Урусов помрачнел и властно произнес:

– Не думаю, что в сию пору стоит идти к реке. Там сильный ветер. – Константин увидел, как Груша с благодарностью посмотрела на него. Он тут же расцвел, понимая, что правильно понял ситуацию, отчего явно выглядел в глазах девушки спасителем. – Татьяна, ты же хотела показать Сергею оранжерею?

– Ах да! Вы хотели бы, Сергей Романович, посмотреть мои цветники? Подскажите, что еще следует посадить, – улыбаясь, вымолвила княжна.

– Как, Татьяна Николаевна, неужели вы сами, своими нежными ручками высаживаете цветы? – удивленно сказал поручик, устремив взор на княжну. Татьяна зарделась и пролепетала:

– Нет, конечно. Груша и Лукерья присматривают за ними. Им-то делать нечего. А я все время в заботах.

– Да, да, понимаю, – произнес Сергей и добавил: – Я так хочу посмотреть на эту вашу оранжерею. Вы составите мне компанию, Татьяна Николаевна?

– О, конечно же, – прошептала Татьяна, замирая от радости. Поручик галантно подставил княжне локоть, и уже через минуту они удались по аллее в сторону дворца. Едва молодые люди отошли на довольно приличное расстояние, Груша обратила взор на Урусова и тихо произнесла:

– Я так благодарна вам, Константин Николаевич. Месье Пазухин, он столь... – она замялась, не зная, как сказать о наглости поручика.

Константин ласково улыбнулся девушке и, приблизившись к ней вплотную и чуть наклонившись, тихо сказал:

– Ничего не говорите. Я все понимаю...

Он очень долго пристально посмотрел ей в глаза, и уже через миг Груша отметила, как серебристый взор князя переместился на ее губы. Она смутилась и опустила взгляд. Видя ее трогательное смущение, Урусов нахмурился и спросил:

– Вы позволите мне прогуляться с вами, Грушенька?

Чувствуя в голосе князя властные нотки, Груша, как и обычно наедине с Урусовым, не осмелилась сказать нет и вымолвила:

– Как вам будет угодно...

Он подставил руку, и Груша, как будто не решаясь, лишь после его внимательного давящего взора очень осторожно взялась кончиками пальцев за его локоть. Они медленно направились по липовой аллее в обратную сторону от реки. Князь начал что-то говорить о погоде, потом как-то умело перешел на рассказы о Петербурге и его жителях и их нравах. Он говорил много, с чувством, красочно описывая подробности. Груша шла рядом и односложно отвечала.

В обществе князя она всегда чувствовала себя скованно и неудобно. Он был вдвое старше и казался девушке очень зрелым и взрослым. Урусову еще не было сорока, но ей мнилось, что он многое повидал в жизни и знает все об этом мире, что он – богатый, искушенный человек – презирает людей и считает себя господином, которому все позволено. Потому она, сирота, выросшая из милости в доме Урусовых, по сравнению с ним ощущала себя слишком простой и обычной. И Груша никак не могла понять, что именно привлекало в ней князя, и отчего он постоянно искал ее внимания.

Груша отчетливо видела, что Урусов невозможно красив. Но эта красота казалась девушке холодной отстраненной и безжизненной, словно у древнегреческой статуи. Его мужественное лицо с рельефно высеченными высокими скулами, прямым носом, высоким лбом и соблазнительно очерченными губами невольно притягивало взгляд. Большие, выразительные глаза с ястребиным прищуром светились серебром, переходящим в темную окантовку радуж-

ной оболочки. В сочетании с темными ресницами и бровями глаза Урусова производили возбуждающий эффект на большинство женщин. Однако взор князя – цепкий, властный, пронзительный и надменный – не нравился Груше.

Девушке казалось, что, когда он смотрит на нее, взгляд князя проникает в самую душу и как будто читает человека насквозь. Его густые светлые чуть выющиеся волосы, которые он собирал в короткий хвост, подчеркивали совершенной формы череп и гордую посадку головы. Его фигура – поджарая, широкоплечая, с узкими бедрами и длинными сильными ногами – не имела и намека на обрюзглость, была подтянута и осаниста. Груша понимала, что князь очень высоко ценит себя и в любом обществе преподносит по-королевски, предлагая собою восхищаться. Но вся эта внешняя привлекательность Урусова и его вызывающая красота совсем не трогали сердца Груши, так как для нее эталоном красоты являлся суровый и молчаливый темноволосый молодой Елагин, с широкоскулым приятным мужественным лицом и добрыми ласковыми глазами.

За последние несколько недель Урусов стал для Груши настоящей проблемой. Где бы она ни появлялась, князь сразу же оказывался рядом. Стоило ей зайти в гостиную и сесть за вышивку, как он заходил туда же и, как-то чересчур призывно улыбаясь, заводил с ней душевные беседы или демонстративно начинал читать газету, и Груше отчего-то казалось, что он специально делал это, чтобы иметь повод остаться с ней наедине. Если она читала в библиотеке, он также появлялся там и даже однажды вызвался искать вместе с ней книгу, выразив искреннее желание помочь. В музыкальную гостиную, где она обычно занималась одна, он приходил под предлогом того, что ему тоже захотелось помузицировать. А вчера вечером, когда княжна заставила ее разучивать романсы, битый час сидел рядом у рояля, услужливо переворачивал страницы и подсказывал ей верные аккорды.

Через пару недель это настойчивое преследование Урусова девушку стало беспокоить и искренне удручать. Но она даже взором не смела выказать недовольства, поскольку знала свое положение в доме. Груша совсем не мечтала об обществе князя и уже тем более не горела желанием вести с ним душевные беседы, на которые он все время пытался вывести ее. Да Урусов никогда не переходил грань, но в его взоре Грушенька отчетливо видела заинтересованность и некий темный огонек, когда он смотрел на нее прямо и поглощающее. Она ощущала себя рядом с ним как неопытная гимназистка с преподавателем, который не просто учит ее жизни, а указывает, как смотреть на те или иные вещи.

И сейчас, блуждая с ним по липовой аллее, Груша напряженно думала о том, как бы поскорее уйти от Урусова и хотя бы до вечера не видеть его надменного красивого лица и цепкого властного взора.

– Отчего вы так и не приходите трапезничать с нами в гостиной, Груша? Я же уже просил вас об этом, – заметил настойчиво князь.

– Мне там не место.

– Почему вы так решили? – воскликнул Урусов и внимательно посмотрел на девушку. – Прошу, не отказывайте нам с Татьяной в своем обществе за трапезой.

– Я не знаю, – замаялась Груша.

Уже ближе к обеду Елагин проворно вошел в кухню, где в тот момент находилось около дюжины дворовых. Все с аппетитом ели и что-то дружно обсуждали. Кухарка Матрена, баба средних лет, едва увидев высокую фигуру управляющего на пороге, услужливо спросила:

– Андрей Прохорович, потрапезничаете с нами? Щи горячие, только сварила.

– Нет, Матрена, благодарствую, – произнес хмуро Елагин и, вновь оглядев кухню, помрачнел. На его языке так и вертелся вопрос о Груше, но он не посмел спросить о ней, боясь показать перед дворовыми свой интерес. Всю ночь так и не сомкнув глаз от гнетущих будоражащих его сердце дум, Андрей, уже с утра вознамерился немедленно поговорить с Гру-

шей. Еще около восьми проверив все в усадьбе, он битый час шатался около дома, делая вид, что интересуется тем или иным делом, которое исполняли дворовые. Затем прошелся по саду, липовой алее, вновь поднялся к парадному крыльцу и даже побывал в оранжерее, то и дело оглядываясь по сторонам и надеясь увидеть изящную фигурку светловолосой девушки. Но ему не повезло, и он так и не встретил Грушу. Ближе к обеду молодой человек зашел в кухню, надеясь найти девушку здесь, ибо знал, что последнее время она обедает вместе с Агафьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.